

Ирэн
Роздобудько

**Пуговица.
Утренний уборщик.
Шестая дверь**

Ирэн Витальевна Роздобудько Пуговица. Утренний уборщик. Шестая дверь (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9792274

Пуговица; Утренний уборщик; Шестая дверь: пер. с укр.: Фолио;

Харьков; 2014

ISBN 978-966-03-6662-6

Аннотация

«Пуговица» – роман о любви, верности и предательстве. О том, что никогда не стоит оглядываться назад, а надо ценить то, что сейчас рядом с тобой. Ведь большое счастье или большая трагедия могут начаться с одной маленькой детали, например, с пуговицы, которую так легко потерять, а потом искать всю жизнь...

«Утренний уборщик» – это история нашего соотечественника, волею судьбы попавшего на экзотический остров в Средиземном море и начавшего новую жизнь. Однажды в номере отеля он обнаруживает свою любимую книгу на родном языке. Он начинает искать ее владелицу, а в конечном счете находит... себя.

А героиня романа «Шестая дверь» Анна-Мария в раннем детстве нарисовала на стене дверь и неожиданно... вошла в нее.

С тех пор в самые тяжелые моменты своей жизни она имеет возможность уйти от страшной реальности – ей лишь надо нарисовать дверь.

Содержание

Пуговица	6
Книга первая	6
Часть первая	9
Денис	9
Елизавета Тенецкая	42
Денис	55
Часть вторая	62
Денис	62
Денис	75
Елизавета Тенецкая	93
Денис	100
Лица	106
Денис	113
Часть третья	133
Денис	133
Конец ознакомительного фрагмента.	148

**Ирэн Роздобудько
Пуговица. Утренний
уборщик. Шестая
дверь (сборник)**

© И. В. Роздобудько, 2005

* * *

Пуговица

Книга первая

Последний день августа, 2005 год

...Я уж и не припомню, когда приходил домой, не будучи слегка «подшофе». А может быть, и не слегка... Но со вчерашнего дня появилось ощущение, будто мне под лопатку вшили «торпеду» и я умру от одного вида рюмки с водкой или коньяком. Погасить возбуждение мне было совершенно нечем. Оставалось только как-то дотянуть до конца рабочего дня. С другой стороны, мне хотелось, чтобы день этот тянулся бесконечно. Я боялся вернуться домой, боялся сесть за компьютер.

Поэтому после двух необременительных лекций в институте кинематографии я вернулся в офис. Делать мне там было совершенно нечего, я мог работать и дома, сочиняя бесконечные сюжеты для рекламных роликов, но, как уже сказал, идти домой я боялся. Поэтому тупо просидел в своем кабинете, закинув ноги на стол, то и дело заставляя нашего офис-менеджера Татьяну Николаевну готовить мне крепчайший кофе. Я смотрел в окно. И зрение мое было настолько обостренным и сконцентрированным, что я видел мельчайшие переплетения и бороздки на коре дерева

на противоположной стороне улицы. Я не отрывал взгляд от этих бороздок, забитых седой паутиной, и они напоминали мне морщины на лице старика.

Лето подходило к концу. Заканчивался год. Не знаю, как у других, а для меня год всегда заканчивается с последним днем августа. Возможно, потому, что все в моей жизни начиналось осенью...

Я старался ни о чем не думать. Но в мыслях я уже раз сто побывал дома и совершил несколько привычных действий: открыл дверь, сбросил пиджак, сел за компьютер в глубокое черное кресло и щелкнул «мышкой».

Почему я так боюсь сделать это на самом деле? Что мне стоит сбросить сейчас ноги со стола, подхватить кейс, выскочить на улицу, сесть за руль и через десять минут действительно распахнуть дверь своей квартиры? Что за гири повисли на моих ногах?

Потом я понял, что эти «гири» – страх ровным счетом ничего не найти на экране монитора. НИЧЕГО.

Но с не меньшим страхом я думал о том, что в углу экрана может высветиться маленький желтый конверт. И я не знал, что лучше: это НИЧЕГО или конверт...

Около восьми часов Татьяна Николаевна начала деликатно покашливать за дверью. А потом, слегка приоткрыв ее, спросила:

– Еще кофе?

Я понял, что пора уходить. Вышел на улицу и впервые

не заглянул в свой любимый ресторанчик «Суок», хотя мог бы... Меня вдруг одолел гон, я ощутил его лихорадку и едва дождался, пока домчусь до своего подъезда. Потом я боялся, что лифт застрянет и мне придется провести в нем несколько томительных часов, гадая, есть конверт или нет его.

Слава Богу, этого не случилось, и я ворвался в квартиру, на ходу снимая пиджак, разбрасывая во все стороны туфли, галстук. В черное кресло я упал, имея довольно растрепанный вид. Интересно, что сказали бы студенты, которые привыкли к моей полной «застегнутости»?

Я перевел дыхание...

...Тогда тоже был сентябрь. На балконе лежали арбузы. Сейчас там лишь толстый слой уличной пыли...

Я щелкнул клавишей, и в углу высветился желтый конверт. Все так, как я себе представлял, – я не верил своим глазам. Неужели? Еще раз щелкнул «мышкой». Закрыв глаза. Открыл.

«Я умерла 25-го сентября 1997-го года...» – высветилась первая строка на синем фоне монитора.

Я снова закрыл глаза. Холод и мрак охватили меня...

Часть первая

Денис

1

Это случилось в конце августа 1977-го... Тогда мне исполнилось восемнадцать. Я мечтал о славе. И знал, что она придет. Речь шла не о временном восхождении на некий пьедестал в ограниченном пространстве, в котором я тогда жил. Не об аплодисментах публики, которая забывает о тебе на следующий же день. Нет. Я чувствовал, что у меня есть предназначение, тайну которого еще предстоит разгадать. А пока оно только зарождалось во мне, как во влажной марле набухает фасолина, – такой опыт мы проделывали в школе на уроках биологии. Все тридцать пять учеников дома на подоконнике проращивали фасоль, а через пару недель приносили результат в школу. Я очень хорошо помню, что мой побег был больше, чем у других. Это было давно, классе в шестом. Но именно после этих опытов я понял, что и как развивается внутри меня самого. И терпеливо ждал. Настолько терпеливо, что старался лишний раз не привлечь к себе внимания – мне это было ни к чему. Пока. Я окон-

чил школу, очень легко поступил на кинофакультет, на сценарное отделение (мой экзаменационный сценарий оказался лучшим, чем опусы уже опытных и старших по возрасту абитуриентов, его потом еще долго хранили на кафедре как пример удачной работы). Узнав о результате, я выбрался немного отдохнуть в горы, на турбазу у подножья Карпат. Собственно говоря, это была «кинематографическая» турбаза, на которую поехали почти все мои будущие однокурсники – объявление о «горящих» студенческих путевках висело в фойе института. Мы еще не были хорошо знакомы друг с другом. Нас объединял общий дух недавних экзаменов, во время которых все дружно толпились у дверей аудиторий и шумно приветствовали каждого счастливирика.

Все это было уже позади. Мы съезжались на турбазу постепенно, не сговариваясь, и бурно радовались каждому знакомому лицу. Нас расселили в небольшие деревянные коттеджи, и мы тут же принялись изучать территорию, выясняя, где находятся столовая, бассейн, кинозал и ближайшее «сельпо», в котором можно купить дешевый портвейн «777».

Мы чувствовали себя взрослыми и бывалыми. Старались общаться как можно непринужденнее и произносили имена своих кумиров «через губу». Называли друг друга «по-западному», поэтому меня сразу же окрестили Дэнном. Соседа по комнате, соответственно, называли Максом.

Дэн и Макс – два крутых парня, будущие гении – быст-

ренько сбегали в сельпо и затарились несколькими бутылками крепленых «чернил». Пили мы по-черному и... по-детски еще со школы – ничего дороже портвейна. Откровенно говоря, в скором времени я пожалел, что приехал именно сюда...

Горы синели вдали и, казалось, мерцали, окутанные ровным белым шелком вечерней дымки. А я вынужден был сидеть на жесткой койке, дуть портвейн и слушать болтовню своих приятелей. Когда нас всех стало мутить (виду, естественно, никто не подавал), мы по очереди начали выходить «подышать воздухом». Мне, наконец, удалось вырваться из прокуренной комнаты и уже без спешки пройти по территории базы.

Это было довольно спокойное место. Или казалось таким на исходе лета. За занавесками коттеджиков горел тусклый свет, кое-где на верандах сидели отдыхающие, из открытого – «зеленого» – кинотеатра доносились звуки музыки какого-то фильма. Кажется, это была «Есения»... А вообще – беспорядок и запустение. Только за белым старомодным забором в стиле псевдобарокко заманчиво шумел мохнатый черный лес, и от него на меня покатила мощная волна свежести и тревоги. Было уже довольно темно.

Нелепые скульптуры девушек с веслами и прочих культуристов белели вдоль аллей, словно призраки. Почти все скамейки были «беззубыми», а все фонари – «слепыми». Я дошел до конца аллеи, опустился на скамью, достал сигареты.

И почти сразу же заметил, как напротив вспыхнул красный огонек...

Если бы я тогда не был пьян, если бы не бродило во мне, как вино, искристое состояние эйфории из-за вступления в новую жизнь – ничего бы не произошло и не потянуло за собой цепь событий, преследующих меня всю жизнь.

Но я был пьян. И поэтому увидел *нечто*... Очерченный лунным светом силуэт, который в крошечной темноте казался пустым, бестелесным контуром. Женщина курила сигаретку, вставленную в длинный мундштук. Она медленно подносила к невидимым губам красный огонек, вдыхала, и серебристый дым на какое-то мгновение заполнял весь ее прозрачный контур, словно изнутри обрисовывая тело. А потом, с последним облачком дыма, оно, это тело, медленно таяло в темноте.

Чертовщина какая-то!

Я напряг зрение и комично помахал рукой перед своим носом, отгоняя видение.

– Что, испугался?

Голос был хриплым, но таким чувственным, что у меня по всему телу побежали мурашки, как будто женщина произнесла что-то непристойное (я и потом не мог привыкнуть к звуку ее голоса: о чем бы она ни говорила – о погоде, книгах, кинофильмах, еде, – все звучало сладко-непристойно, как откровение).

– Да нет... Нормально... – пробормотал я.

Влажная ночь и вершины гор, чернеющие вдаль, и этот красный огонек, подмигивающий в темноте, и сам воздух – такой насыщенный и свежий – отрезвили меня. Я попытался разглядеть сидящую напротив женщину. Бесполезно. Наверное, уже тогда у меня совершенно «замылился» глаз в отношении нее. Такое бывает, например, с мамашами, которые неспособны реально оценить красоту своего ребенка или с художником, которому его последнее полотно кажется гениальным.

– Вы тоже живете в этом пансионате?

Ничего более идиотского я не мог придумать! Это было все равно что спросить у попутчицы после взлета: «Вы тоже летите в этом самолете?» Но мне очень хотелось снова услышать ее голос.

– Вам здесь нравится? – продолжал я.

Огонек загорелся ярче (она сделала затяжку) и скользнул вниз (она опустила руку).

– Знаешь, где мне нравится? – услышал я (мурашки! мурашки!) после довольно-таки долгой паузы. – Там...

Огонек взлетел вверх и откинулся в сторону леса.

– Я там еще не был... – сказал я. – Только сегодня приехал...

– Чудак! – Огонек резко полетел в кусты и там погас. – Идем! Тут в заборе есть дыра.

По шелесту ее одежды я понял, что она встала и шагнула в мою сторону.

– Давай руку!

Я протянул руку в темноту и наткнулся на прохладную ладонь. И снова по телу побежали мурашки. Ее рука была энергичной, не мягкой.

– Э-э, да ты же совсем пьяненький! – засмеялась она.

Я встал, стараясь держаться ровно. Мы были одного роста. Мне удалось разглядеть что-то более определенное – тонкую фигуру, темную, возможно черную, шаль, которая окутывала плечи... И больше – ничего. А еще я ощутил запах. Тогда я еще не знал запаха дорогих духов – их доставали «из-под полы», мои знакомые девушки большей частью пользовались удушающей «Шехерезадой» или концентрированным «Ландышем». А тут на меня накатила волна аромата – терпкого и дурманящего. Я стиснул зубы и крепче сжал ее руку. Повинуясь ей, я стремительно двинулся в глухой угол забора. В нем действительно чернела большая дыра, которую я сразу не заметил. Не выпуская ее ладонь, ступая за ней, я резко пригнул голову, и мы оказались по ту сторону турбазы, на широкой равнине, заросшей буйным разнотравьем. Мы шли по колено в траве. Я снова попытался рассмотреть ее, властно ведущую меня за руку, как малого ребенка. Черная шаль окутывала ее с головы до ног, длину волос я определить не мог, они сливались с шалью и, видимо, были такими же черными и длинными. Она ни разу не обернулась ко мне. Казалось, ей было совершенно безразлично, кого она тащит за собой.

Я старался не упасть и не отстать, поэтому большей частью смотрел себе под ноги, и дикая растительность напоминала мне море, катящее мощные ароматные волны. Вот-вот оно затянет на глубину, из которой не выплыть.

Голова шла кругом. Ночь, тонкий серп луны над облаками, горы, мурашки по телу, хмель, незнакомка... Все казалось какой-то фантазмагорией. Я обожал такие приключения. И не представлял, что может случиться дальше. Может быть, сумасшедший секс на лесной опушке? Что это за женщина? Зачем и куда она ведет меня? Сколько ей лет, как она выглядит? Чего хочет?

Мы подошли к склону горы, покрытому деревьями, которые возвышались над поляной, словно колонны у входа в языческий храм. Мрак снова поглотил ее, а из леса повеяло особенным густым запахом живицы. Женщина завела меня за ограду из первого ряда больших сосен, с которых начинался лес, и прислонилась спиной к одному из деревьев.

– Здорово, правда?

Я с трудом отдышался. И огляделся. Было действительно здорово! Будто мы попали в нутро большого живого организма какой-нибудь сказочной рыбы. Деревья были ее напряженными мышцами, кронами она дышала, а где-то внутри, в глубине, пульсировало сердце. Я даже услышал этот ритмичный тревожный звук.

– Он – живой. Чувствуешь? Днем здесь все не так...

Она щелкнула зажигалкой, и на мгновение я увидел по-

лукруг щеки и блеск черного зрачка. А потом передо мной вновь заплясал красный огонек.

– Как тебя зовут? – спросил я, напряженно думая о том, чем может закончиться такое вот удивительное приключение.

– Какое это имеет значение? Особенно сейчас...

Огонек очертил дугу и исчез. Я снова почувствовал, как меня взяли за руку и потащили куда-то вверх. Мы шли так быстро, будто за нами кто-то гнался. Я слышал ее прерывистое дыхание. В какой-то момент я почувствовал себя неудобно. Ветки деревьев, которые я не успевал отводить в сторону, хлестали меня по лицу.

Наконец мы забрались еще выше и остановились. Все повторилось вновь – ее слияние с деревом, огонек.

Но на этот раз я с удивлением смотрел вниз: мы вышли из пасти зверя, вдали прорисовывались неясные огни ближайшей деревни, перечеркнутой золотой полоской реки. Густые кроны деревьев, росших внизу, казались отсюда скупившимися грозowymi облаками, по которым можно было идти, как по суше. Я пришел в себя и жадно дышал, наслаждаясь чудесным вкусом воздуха, который смог оценить только теперь. Вместе с этим воздухом меня переполнял восторг. Как хорошо, что я вырвался из душной комнаты, наткнулся на эту удивительную женщину и она подарила мне такую замечательную прогулку! Я понял, что две недели отдыха будут чудесными. Оглянулся, хотел поблагодарить...

Огонек исчез. Я подошел к дереву, где она только что стояла, и даже дотронулся до него рукой. Никого!

– Эй!.. – тихонько позвал я. – Ты где?

Мой голос в темноте звучал непривычно. Где-то неподалеку захлопала крыльями ночная птица. Я обошел каждое дерево, каждый куст. Мне в голову пришла бредовая мысль, что она где-то расстелила свою черную шаль, легла и ждет, чтобы я поскорее наткнулся на нее.

Потом я разозлился: что за дурацкие шутки! Потом заволновался, смогу ли найти дорогу назад. А еще позже некстати вспомнил, что эти края просто кишат легендами о русалках, леших, водяных, оборотнях и ведьмах.

Спускаться вниз одному было неприятно. Я все время прислушивался, не раздастся ли где-нибудь рядом звук ее шагов. Но лес только глубоко дышал и цеплялся за меня своими крючковатыми пальцами. Два раза я даже упал.

Выйдя на равнину, я перевел дыхание и оглянулся на лес. Мне показалось, что наверху снова дышит красный огонек ее сигареты. Он наблюдал за мной, как глаз. И, наверное, смеялся...

2

Растерянный и грязный, я вернулся в комнату, где уже громко храпел мой напарник, и свалился на кровать поверх одеяла. Разделся и укрылся только под утро, когда за окном

уже розовели облака. Мельком взглянул на гору. Теперь она казалась пестрой, словно лоскутное одеяло.

К завтраку мы опоздали. Я долго чистил брюки, Макс никак не мог прийти в себя после вчерашней попойки.

– Ты куда исчез вчера? – спросил он.

– Так, решил пройтись, – неопределенно махнул рукой я. Мне совсем не хотелось рассказывать кому бы то ни было о своем вечернем приключении на горе.

Я решил разыскать свою вчерашнюю спутницу. Правда, я мало что помнил: темные волосы, развевающуюся шаль, контур смуглой щеки в свете зажигалки, красный огонек... Но был еще запах – особенный запах ее духов!

В столовой я пристально рассматривал присутствующих. Половина отпускников уже разошлась по своим делам – кто-то потащился в лес за грибами, кто-то осматривал местные музеи и достопримечательности. Она, скорее всего, тоже уже позавтракала.

– Кто здесь еще из наших? – спросил я Макса.

– Ты же всех видел! – удивился тот.

– Я имею в виду – вообще, из киношников? – пояснил я. Мне почему-то казалось, что она могла быть студенткой с актерского факультета.

Макс назвал несколько более-менее известных мне фамилий. Но все это было не то. Мы лениво ковырялись в своих тарелках: вермишель с заплесневелым соленым огурцом, творог, политый жидкой сметаной. Полупустая столо-

вая с запахом известики и синими стенами не вызывала аппетита. За двумя соседними столиками сидело несколько человек. Я узнал седовласого кинодокументалиста в потертой джинсовой куртке (как мы тогда мечтали о таких заграничных тряпках!). Он был с женой и дочкой. Немного поодаль сидели три дамы. Они громко переговаривались, хохотали, поглядывая то на нас с Максом, то на грустного кинодокументалиста. Одна из женщин курила. Но она была довольно полной и стриженной.

– Кажется, мы тут сдохнем от тоски! – сказал Макс. – Хотя... можно ходить в трехдневные походы в горы. Я видел объявление на доске. Ты как?

– Еще не знаю.

Мы поковыряли вермишель, не без удовольствия выпили по два стакана холодного кефира и вышли на солнышко. Я еще недостаточно хорошо знал Макса, и мне захотелось отделаться от него, побродить одному.

– Ну, ты куда? – нехотя спросил я.

– Пойду еще покемарю, – ответил тот. – А ты?

– Пройдусь...

Утром территория турбазы имела непривлекательный вид. Скульптуры были ужасны, беседки поломаны. Только нестриженные кусты, высокие деревья вдоль аллей и клумбы в разноцветных шапках роз были естественными и не вызывали раздражения. Несмотря ни на что, мне нравилось это запустение. Я вышел к бассейну. Возле него прогулива-

лись несколько человек, но никто не осмеливался нырнуть в зеленоватую, покрытую ряской воду. Скорее всего, она была дождевой и простояла в этом бетонном корыте все лето. По темной мутной поверхности, как парусники, скользили кленовые листья.

Я сразу увидел ее. Напрасно волновался, что не узнаю! Она лежала на полосатом полотенце и читала книгу. Ее волосы – действительно очень темные и очень густые, были подобраны в высокий «конский хвост». Она была в открытом купальнике... Ничего общего с тем вчерашним ночным образом. Но я был уверен, что это она. Я сел на противоположном конце бассейна и принялся ее разглядывать. Напрасно! Я снова ощутил странную «замыленность» глаза – сколько ни всматривался, не мог собрать образ воедино. Он рассыпался, как детские кубики. Хороша ли ее фигура? Я смотрел на ее розовые, сияющие на солнце пятки, и они казались мне райскими яблочками. Возможно, она была такой же, как все. Но смысл отношений между людьми, наверное, в том, что в какой-то момент «один из многих» попадает в пересечение небесных лучей и становится первым, единственным из всех... Я видел ее именно в таком ракурсе – будто она была самолетом, который «ведут» два прожектора. Все остальное пространство стало для меня темным и неинтересным. Больше не было смысла так пристально разглядывать ее. Я подошел. Примостился рядом на траву и сразу же ощутил тот терпкий нездешний аромат, только утром

он был гораздо слабее, нежнее. Она оторвала взгляд от книги и перевела его на меня. Я не был уверен, что она меня узнала, но уже понял, что обычный вариант знакомства здесь не пройдет. Можно было спросить, какую книгу она читает или верит ли в любовь с первого взгляда... Нет, банально... Прочитывать пару строк из Бодлера? Глупо... Заговорить о погоде? Еще чего...

– Не напрягайся, – вдруг сказала она, – меня зовут Лиза. Ведь ты это хотел узнать?

Ее голос раздел меня донага! Она перевернулась на бок, подперла подбородок рукой, посмотрела мне прямо в глаза. Солнце блестело на ее смуглом плече, ослепляло меня.

– Куда ты исчезла? – спросил я.

– Я вообще люблю исчезать, – ответила она и снова сосредоточилась на чтении. Но я уже не мог жить без ее голоса!

– Может, поднимемся на гору? – предложил я. – Или съездим в город, посидим в кафе?

– Это ни к чему. Всяких кафе мне хватает и дома. А на горе сейчас жарко.

Я просидел рядом с ней до самого обеда. Меня сто раз звали ребята: то на волейбольную площадку, то в лес, кое-кто из «стариков» издали здоровался и с ней. Время от времени мы перебрасывались ничего не значащими фразами. В общем, ничего особенного. Но держалась она по-королевски. Когда ей надоело читать, она сказала:

– Ну все, хватит. Иди к своим. Что ты томишься рядом

со мной?

– Увидимся вечером? – с надеждой спросил я.

– А куда же мы здесь денемся...

Она меня не поняла! Если бы я снимал фильм, с удовольствием вырезал бы несколько дней из этой ленты, чтобы сразу перейти к главному. Я уже понимал, что буду добиваться ее внимания, что мы обязательно еще раз поднимемся на гору и что я попробую обнять ее. А что будет делать она? Этого в моем сценарии не было...

3

– Знаешь, кого ты опекал все утро? – спросил Макс, когда мы встретились в комнате перед обедом.

Мне стало не по себе. Я не хотел говорить о ней. То есть – вообще.

– Это же Елизавета Тенецкая.

Фамилия была мне знакома, но я не мог вспомнить, где ее слышал.

– Ну как же! – оживился Макс. – Помнишь прошлогодний молодежный фестиваль «Ночь кино»? Она там заняла первое место за короткометражку «Безумие»!

Так вот оно что! Конечно же, я с девятого класса бегал на эту всенощную, прорывался без приглашающих всеми правдами и неправдами, пока после поступления на подготовительные курсы не получил наконец удостоверение

и возможность без проблем ходить туда. Тогда с этим было строго: на входе проверяли карманы, выискивая бутылки со спиртным (мы проносили портвейн в термосах), кроме того, с собой нужно было иметь комсомольский билет.

Фестиваль длился с утра до полуночи с короткими перерывами для совещаний жюри, во время которых утомленные зрители могли съесть черствые бутерброды в буфете Дворца культуры и хлебнуть из термосов «живительной влаги».

Фильм мне действительно понравился. Даже потряс. Он был снят очень просто, без пафоса. Без малейшего намека на какую-либо идеологию. Это было странно, непривычно. Его обсуждение затянулось часа на два-три. Никто не расходился до тех пор, пока разгоряченные спорами члены жюри не объявили его победителем, а представители райкомов, обкомов и прочих наблюдающих за всей этой «вакханалией» не покинули поле боя, пригрозив разобраться позже.

Вряд ли я смог бы точно пересказать сюжет. Это была небольшая киноновелла об одиночестве. День женщины – с утра до вечера, – которая бесцельно бродит по большому городу. И конец: машина «скорой помощи», люди в синих халатах, заломленные руки, отчаянные глаза героини. Оказывается, она сбежала из психиатрической лечебницы... Вот, собственно, и все. Как такой фильм вообще мог попасть на этот комсомольский фестиваль, непонятно. Потом я долго вспоминал об этом фильме, но никогда не иденти-

фицировал эту ленту с женским именем автора, не пытался выяснить, кто она. И вот сейчас был взволнован, потрясен. Неужели это она?! Эти терракотовые оттенки, намеренные царапины на пленке, эти съемки в манере подглядывания в «замочную скважину»... Мне стало страшно. Нет, меня не пугало то, что она старше и талантливей – все это только возбуждало мое воображение. Просто я чувствовал, что на меня надвигается девятый вал и самое разумное, что следовало бы сделать, – никогда к ней не приближаться. Но для такого решения я был слишком молод.

У меня был опыт общения с женщинами. Отец работал главным инженером на одном из крупных предприятий города, деньги у меня водились. Чтобы «познать жизнь», мы с приятелями частенько засиживались в ресторанах, играли на ипподроме, пускаясь порой во все тяжкие. Естественно, без женщин не обходилось. Но серьезных увлечений у меня до сих пор не было. Хотя уверен – я многим испортил впечатление от того чувства, которое называется первой любовью: старался не встречаться с одной и той же девушкой дольше месяца, а чаще всего – и одной недели. Мне хотелось всего, много и сразу. Ощущение устоявшихся отношений наводило на меня тоску. Ни разу я не почувствовал раскаяния.

Правда, один случай заставил меня немного остепениться...

Я и двое моих друзей сидели в ресторане «Лесной» и подыскивали достойные объекты для продолжения вечера

«на хате» у Мишки. Это был парень из обеспеченной семьи, жил в четырехкомнатной квартире в центре города и часто оставался один, пока родители инспектировали «загнивающий» капитализм западных стран. Приятели уже выбрали себе по девчонке и ждали, когда ВИА (вокально-инструментальный ансамбль – так это тогда называлось) настроит свои гитары, чтобы пригласить девочек на танец, а позже – домой. Я же, как всегда, выискивал для себя «нечто».

Меня не привлекали откровенно красивые телки «модельной внешности», как сказали бы сейчас. Волоокие длинноногие блондинки никогда мне не нравились – это все равно, считал я, что переспать с резиновой куклой. Хотя с такими было намного проще договориться. Объекты же моего внимания, как правило, по ресторанам не ходили (хотя это и стоило копейки по тем меркам).

– Ну ты как? – нетерпеливо спрашивали меня приятели.

Я отмахивался и озирался по сторонам. А когда уже совсем потерял надежду и обратил свой взор на перезревшую матрону за соседним столиком, в зал вошли три девушки.

– Все о'кей! – доложил я друзьям тоном рыбака, у которого «клюнуло».

На одной из девушек было черное платье. Это поразило меня. Летом, когда все ходят в светлом, она вырядилась как ворона, и этим очень выделялась среди остальных. Кроме того, у нее были волосы удивительного медного оттенка – пушистые, с «искринкой». Словом, очень красивые волосы.

Я подозвал официанта и велел отнести девчонкам бутылку шампанского. Я любил погусарить, а особенно – понаблюдать за впечатлением, которое производят подобные поступки, ведь наши женщины тогда еще не были приучены не то что к «бесплатному сыру», но и к вещам более элементарным. Вот и эти – тут же склонили головы и принялись возбужденно перешептываться, стреляя взглядами по залу. Вначале даже хотели вернуть бутылку. Официант что-то долго объяснял им, а потом (вот сволочь!) кивнул на наш стол. Все три, как по команде, посмотрели в нашу сторону, потом так же резко отвернулись, делая вид, что им на нас наплевать. Я пытался угадать, о чем они могут сейчас говорить. Во-первых, решают, кому прислан подарок (судя по тому, как вспыхнуло лицо рыжеволосой, обе подружки убеждали, что именно ей). Во-вторых, мучаются вопросом: что делать дальше? В-третьих, обсуждают нас и теряются в догадках, кто из троих сделал такой королевский жест. Начались танцы, и я развеял их сомнения: подошел и пригласил рыжую.

А потом мы все вместе сидели за одним столом до закрытия ресторана. Мы щедро оплачивали девичьи капризы – шоколадку, салат из крабов, бутылку «Медвежьей крови». То, что вечер закончится на квартире у Мишки, ни у кого не вызывало сомнения. Девушку в черном звали Сашей. Но это имя ей катастрофически не подходило, еще глупее звучало «Шурочка». Платье на ней при ближайшем рассмот-

рении оказалось дешевеньким, туфли – детскими. Она только что окончила школу, ее подружки работали на швейном комбинате. Фабричные дамочки оказались бойчее и сговорчивее, «моя» старалась от них не отставать. И как только мы оказались в Мишкиной квартире, она не раздумывая улеглась со мной в постель. Когда позже я спросил – почему, Саша удивленно вскинула брови: «Ну ты же угощал нас!» Ха! Как порядочная девушка, она поспешила расплатиться!

Эту я помнил дольше других. И не только потому, что меня поразило ее платье и рыжие волосы (все остальное поглотил туман), – она была из какого-то иного мира. И это испугало меня. Тогда я не мог и представить, что он существует! Мы встретились несколько раз. Но как-то вяло: меня влекли новые впечатления, а она была слишком аморфной в своем отношении ко многим вещам, которые меня приводили в восторг, – последняя премьера в театре, новый сборник Евтушенко, бардовские фестивали.

Закончились отношения так же быстро, как и начались, после одного случая. Мы шли по улице и смотрели, как рабочие поднимают на фасад дома огромный плакат с фотографиями членов Политбюро.

– Куча свиней, – неожиданно сказала Саша, – а мы – их кормушка...

Я, сынок главного инженера прославленного завода, возмутился – как она может так говорить?

– Конечно... бывают перегибы, но в общем... – проям-

лил я, – нужно быть патриотом страны, в которой живешь...

– Все патриоты сейчас – сидят, – отрезала она.

– Как это – «сидят»? – не понял я. – Сидят – преступники.

– Ага, преступники! – язвительно сказала она. – Бродский, Стус, Солженицын... Все – преступники!

– Ну, положим, Бродский сел за тунеядство, – не сдавался я, хотя чувствовал, что не так все просто. Об остальных я вообще ничего не мог сказать.

– Ага, – еще ехиднее повторила она, – поэт должен вкалывать!

– А разве нет?..

Тут она прикусила язычок. Ее щеки пылали. Потом, вернувшись домой и проанализировав этот разговор, я решил, что девочка наслушалась лишнего от родителей. И испугался. Жизнь казалась мне прекрасной, и я не хотел, чтобы в нее вошли смута, беспорядок, неразбериха. Все хорошее, талантливое, думал я, должно преодолевать препятствия. Иначе не интересно! А она твердила, как попугай: «Свобода не может быть дозированной!» И я не понимал, что она имеет в виду. Да и понимала ли это она сама своим полудетским умишком? Вряд ли. Скорее всего, повторяла слова взрослых... Предателей родины и штрейкбрехеров! Наши встречи прекратились.

А потом я вспоминал Сашу все чаще. И начинал понимать, О ЧЕМ она говорила, и чувствовал себя законченным негодяем и идиотом. Удивительно, но именно эту девушку я

вспомнил, когда смотрел «Безумие», снятое Елизаветой Тенецкой...

Вспомнил и сейчас. Возможно, потому, что меня охватило чувство, слегка похожее на то, что было тогда, только в этот раз более сильное и острое: я НЕ ВИДЕЛ мою новую знакомую. Мне было все равно, какая она: фигура, цвет глаз, ноги, руки, волосы, в конце концов – возраст. Важным было одно: она есть.

Мой сосед по комнате уверял, что «Тенецкая – супер». Но даже если бы это было и не так – мне было все равно. Она существовала, как небо, в котором я побрел, спотыкаясь и падая, ничего не замечая ни под, ни над собой...

4

Потом мы часто виделись то в столовой, то в кинозале, то у бассейна. Она приветливо кивала мне и проходила мимо. Словом, дней пять из моего сценария можно спокойно выбросить. Я искал случая. И вот увидел ее имя в списке инструктора, который набирал группу для похода в горы. Я сбежал за деньгами – двухдневный маршрут стоил что-то около пятнадцати целковых.

– Опоздали, – безапелляционно сказал мне мужичок в мятых спортивных штанах, – группа уже укомплектована.

– Ну какая вам разница, вы что, не можете записать еще одного человека?!

– По инструкции положено двенадцать! – отрезал тот. –
Пойдете в следующий раз. Долго думали!

– Что за дурацкая инструкция? – не унимался я. –
Вам что, не хочется заработать?

– Ха! Это тебе не частная лавочка, я здесь на государственной службе. Двенадцать – цифра, которая утверждается там... – он поднял палец к небу.

– Богом, что ли? – попытался пошутить я.

– Не юродствуйте, юноша. Зачем мне отвечать за большее количество народа? Вот если бы я не набрал группу – тогда пожалуйста! А так мне лишняя морока ни к чему, мне за вас премию не дадут!

Тогда я смотался в коттедж и к уже предложенным пятнадцати добавил еще двадцатку.

– Так сойдет?

Мужичок оживился, достал список и с важным видом вписал в него мою фамилию.

– Собираемся завтра в шесть часов утра, у столовой! Завтрак получите «сухим пайком». Смотрите не опаздывайте! – строго сказал он.

...Утро выдалось прохладным, с привкусом подступающей осени. Этот привкус особенно ощутим в ранние часы. Я побрился, надел новую футболку и чистый свитер, потер щеки одеколоном «Шипр» и сунул в рюкзак бутылку домашнего красного вина, которую вечером купил у какой-то местной тетki.

На что я надеялся? Не знаю. Может, вечером, когда мы разобьем палатки, мне удастся прогуляться с ней?..

Еще я сунул в карманы брюк все деньги, которые у меня были, несколько коробок со спичками, нож, блокнот. Пришел к столовой первым. Мне предстояло полчаса мучиться вопросом: придет ли она? Я уже догадывался, что ее поступки могут быть непредвиденными. Когда нас было уже двенадцать, инструктор начал нервно поглядывать на часы. Наконец в глубине аллеи появилась она.

– Наша звезда в своем репертуаре! – прокомментировал кто-то.

В группе, кроме меня и ее, были две семейные пары с детьми подросткового возраста – всего семь человек, две дамы бальзаковского возраста и кинодокументалист с дочкой. Скука смертная! Но я понял, что у меня нет конкурентов, а у нее – выбора. Поэтому, как только она приблизилась, я взял ее котомку и забросил себе на плечо.

– Вот что, товарищи, – обратился к нам инструктор. – Поведу вас кратчайшим путем: чтобы не обходить всю территорию, пойдем через аллею – там в заборе есть дыра... Это, конечно, непорядок, но не будем терять время!

Я посмотрел на Лизу. Она улыбалась.

И мы пошли уже знакомой мне дорогой – через луг, к подножию горы.

– Не знаю, зачем мне все это нужно... – словно продолжая разговор, сказала Лиза. – Не люблю коллективных меропри-

ятий. Но здесь так скучно...

– Ты же сама отказалась развлечься. Я же приглашал... – ответил я, напроочь забыв, переходили мы на «ты» или нет.

Она странно посмотрела на меня.

– ...и мы бы говорили про кино?..

Тут я понял, как с ней нужно разговаривать. Понял, но не мог вымолвить ни слова, как иностранец, который только начинает изучать чужой язык.

– Мы могли бы просто молчать... – ответил я.

Когда группа стала подниматься в гору, разговорчики в наших нестройных рядах поутихли, женщины пыхтели, мужчины, как истинные джентльмены, забрали у них рюкзаки и пыхтели еще сильнее. Все сбросили свитера. Солнце начинало прогревать влажный лес, из него испарялась ночь. Мы прошли то место, где Лиза оставила меня. Я снова ощутил тревогу. Понимал, что в любую минуту она может развернуться и уйти. Но было уже слишком поздно: мы забрались слишком далеко и вышли на полонину – горное пастбище. Большая поляна была окружена дикими черешнями. Ягоды были красными, мелкими.

Мы задержались у одного из деревьев. Я наклонил ветви, и мы почти одновременно поймали губами несколько ягод... *(Я уже любил ее! Боялся лишний раз взглянуть на нее – от этого у меня резало в глазах, как от вспышки лампы, а изнутри пожирал огонь бешеного желания, я покрывался потом, краснел, трясся, как осиновый лист. И ненавидел се-*

бя за несдержанность.)

– А пошли они все к черту! – вдруг сказала Лиза, глядя на группу, которая уже пересекала полонину. – Идем строем, как пионеры. А вокруг такая красота...

Ничего лучше нельзя было и представить.

– Давай спрячемся, пока они не уйдут подальше! – предложил я.

Она задумалась.

– Наверное, испортим им весь праздник. Искать будут...

– Тогда предлагаю просто заблудиться. Случайно. Бывает же такое?

– Ага. А утром в местной газете появится заметка «Случай в горах»... Кстати, ты же только что поступил в институт. Могут отчислить! Это мне терять нечего. Фильмы мне уже смывали...

– Как это? – не понял я.

– Очень просто: берут пленку и опускают в химический раствор...

– И «Безумие» смыли?

– А как же! – недобро улыбнулась она. – Разве могло быть иначе... Как принудительный аборт на восьмом месяце.

Она вытащила из пачки сигарету, медленно выпустила струйку дыма и посмотрела на меня прищурившись:

– А ты красивый. Тебе кто-нибудь говорил об этом?

Прежде чем ответить, я справился со шквалом разных эмоций, а главное, с глухотой, которая на мгновение охвати-

ла меня (сердце стучало прямо в голове!).

– Не помню... – ответил я как можно равнодушнее.

– Ладно, пойдем! – скомандовала она. – А то и правда потеряемся.

Но мы все-таки потерялись! Пройдя полонину, не могли сообразить, в какую сторону направилась группа. Сердце мое ликовало. Чтобы скрыть радость, пришлось немного побегать и покричать, но мне никто не ответил.

– Теперь это выглядит натурально? – спросил я.

– Вполне. Может, вернемся?

– Зачем?! Я думаю, к вечеру мы их догоним. Найдем по дыму костра.

Потом мы шли, то поднимаясь в гору, то спускаясь в долину, останавливались, молчали, зачарованные природой, падали в высокую траву и пили воду из горного ручейка. Вечер упал быстро, словно камень. Мы как раз подходили к очередному пригорку. Пришлось снова побегать и покричать, разыскивая палаточный лагерь. Я мысленно молился, чтобы никто не откликнулся. Так оно и случилось.

– Что ж, – сказала Лиза, – придется развести огонь и переждать тут до утра. Может быть, они найдут нас на обратном пути.

– Тебе страшно? – заволновался я.

– Мне? – Она рассмеялась. – Все самое страшное со мной уже произошло. А теперь будет только... прекрасное. Разве здесь не здорово?!

Синие сумерки, выплывающие из леса, накрыли нас густой волной по самое горло. А потом незнакомые ночные запахи и таинственные звуки, которые утром не были слышны, окутали нас с головой.

Я собрал сухие ветки и порадовался, что захватил спички. Роясь в рюкзаке, обнаружил бутылку вина, о которой совершенно забыл.

– Мы спасены! – объявил я, как только костер разгорелся, а мне удалось протолкнуть пробку внутрь бутылки. Мы нагребли целую гору сухой травы и уселись на нее перед костром.

– Только я не взял стаканы... – сказал я.

– Значит, придется узнать о твоих мыслях, – улыбнулась она. – Если люди пьют из одной посуды, они могут прочитать мысли друг друга.

Хорошо, что было темно и отблески костра не давали полного представления о цвете моего лица в тот момент.

Лиза сделала глоток, и ее губы почернели – это было местное ежевичное вино, которого я не видел в продаже ни в сельпо, ни в городских магазинах.

– Какое вкусное! Настоящее, – сказала она, – я такого еще никогда не пила.

Я готов был завилывать хвостиком и встать на задние лапки.

– Знаешь, мне всегда хотелось попробовать именно такое вино, – продолжала Лиза, глядя в огонь, – но мне казалось, что такие вина – в черных граненых бутылках – сохранились

только в каютах затонувших пиратских кораблей... Просто чудо! – Она сделала еще один глоток и протянула бутылку мне. – Ладно, угадывай!

Я выпил и начал «угадывать»:

– Ты приехала сюда, потому что... не можешь поехать в Испанию!

– Именно – в Испанию! – весело подтвердила она и снова воскликнула: – Волшебное вино! Давай дальше!

Я сделал еще один глоток.

– Тебе ужасно хочется съесть огромную отбивную с кровью, зажаренную на углях!

– С луком и крупной солью!!!

Я отхлебнул еще:

– Ты – ведьма! Ты здесь – у себя дома!

Она громко засмеялась, и лес отозвался похожим звуком.

Взяла у меня бутылку:

– Хватит! Теперь моя очередь!

Глоток:

– Ты в меня влюбился.

Глоток:

– Тебе страшно...

Глоток:

– Ты весь дрожишь, потому что...

Я отобрал у нее бутылку и неожиданно забросил в кусты.

Лиза снова расхохоталась. Проклятое вино! Где я его купил? У какой-то деревенской тетки, у магазина...

– Хватит, – сказала Лиза, – давай попробуем заснуть, пока костер не догорел.

Она вытащила из своей котомки свитер, натянула его и легла на кучу сена, свернувшись калачиком. Я взял свою куртку, укрыл ее ноги и примостился рядом, так, чтобы не дай бог не прикоснуться к ней. Но разве я смог заснуть?! Я наблюдал за ней сквозь ресницы и спустя какое-то время с удивлением обнаружил, что она в самом деле заснула. Будто в теплой постели у себя дома. Огонь в костре еще немного потрещал остатками хвороста, который тлел в нем, и окончательно умер. Я утонул в темноте и начал прислушиваться к звукам: а вдруг на нас выйдет медведь или волк? Я должен быть начеку! А еще... мне было ужасно обидно лежать рядом с этой удивительной девушкой, которая так быстро и просто уснула... Она совсем не принимала меня всерьез. Наверное, я весь день вел себя как дурак. Но я думал еще и о другом: я все равно не посмел бы к ней прикоснуться! По крайней мере, сейчас...

5

К утру мы уже лежали, тесно прижавшись друг к другу. Это вышло случайно. Холод разбудил меня, и я увидел, что ее руки, трогательно сжатые в кулачки, прижались к моей груди. Я замер, притворился, что сплю. А потом и в самом деле снова уснул (чего позже не мог себе простить!).

Проснулся от какого-то движения рядом с собой. Лиза сидела ко мне спиной и расчесывала волосы, потом медленно начала заплетать их в косу. И у меня сжалось сердце: казалось, мы жили посреди этого леса целую вечность! Мы давно уже были вместе, и этот утренний ритуал плетения косы я наблюдал всегда. Оставалось только непринужденным привычным движением привлечь ее к себе... Почему жизнь – не кино, которое можно смонтировать по своему усмотрению?! Ведь так будет, скажем, через год, думал я, зачем же терять драгоценное время?! Что бы сделал на моем месте Мишка, мой старый приятель? Он бы сейчас просто схватил ее за плечи, прижал к себе и произнес что-то типа: «Замерзла, крошка?» Ужас! И... получил бы оплеуху. Или – не получил, если бы это была не она, не Елизавета Тенецкая.

Мне же оставалось только наблюдать, как ее проворные пальцы скользят между прядями волос. Потом она обернулась.

– Проснулся? Замерз?

– Немного. А ты?

– Ну ты же меня так хорошо согревал всю ночь! – улыбнулась она, – Давай-ка сбегай за той бутылкой. Согреемся. Не бойся, утром чары рассеиваются!

Мне пришлось полезть в кусты и отыскать колдовской напиток. Лиза достала из своей котомки печенье, и мы заморили червячка.

Когда мы уже полностью собрались и привели себя в по-

рядок, в последний раз взглянули на наше ночное пристанище.

– Никогда этого не забуду, – сказал я.

– Забудешь... – возразила Лиза и добавила: – А вообще-то было здорово. Но сейчас уж точно нужно как-то выбираться отсюда. И поскорее. Нас уже наверняка ищут.

Но «поскорее» все же не получилось. Мы шли еще полдня. На этот раз она действительно устала, и я взял ее за руку. Мы снова спускались и поднимались по высоким склонам. Но лес кружил нас, как карусель.

Часам к пяти небо заволокло темными грозowymi облаками, воздух напитался влагой, как тряпка, которую вот-вот должны отжать, земля под ногами стала вязкой.

– Сейчас начнется ливень, – сказала Лиза, – нужно спуститься в долину.

Мы ускорили шаг. Спуск был крутым, но сквозь густые заросли мы к своей радости увидели какой-то хутор и быстро зашагали к нему. Во дворе суетился хозяин – мрачного вида мужик в закатанных до колен холщовых штанах. Он быстро сгребал сено и накрывал скирды брезентом. Ему, конечно, было не до нас. Черное небо уже приблизилось к самой земле, и из него охапками серебряных змеек вырывались молнии.

– Пустите нас переждать грозу? – спросил я.

– Эта гроза – на всю ночь, – буркнул мужик, – а у меня в хате одна кровать...

– Тогда пустите хоть на чердак! – я кивнул в сторону деревянной постройки – то ли хлева, то ли курятника.

– Там внизу куры...

– А наверху? – с надеждой спросила Лиза.

– Наверху – сено... Еще подожжете...

Небо уже прогнулось и висело низко, словно целлофановый пакет, наполненный водой. Хватило бы самой малой прорехи, чтобы на наши головы обрушился водопад. Лиза дрожала, она, наверное, простудилась. Я вытащил из карманов все деньги, которые у меня были, снял часы с руки и золотую цепочку – мамин подарок – с шеи. Все это сунул хозяину. Он недоверчиво взглянул на меня, взвешивая на ладони эти сокровища. Тогда я сбросил с себя куртку – она была совсем новой. Мужик сунул ее себе под мышку, махнул рукой в сторону сарая и, бросив грабли, побежал к хате.

– Захотите молока или хлеба – зайдите утром! – крикнул нам уже из окна.

Едва мы переступили порог нашего убежища, как у нас за спиной разразился вселенский потоп. Куры уже спали и недовольно закудахтали во сне, теснее прижимаясь друг к другу. Они были похожи на белые привидения.

Я помог Лизе забраться на чердак. Он был почти доверху завален душистым сеном. Мы провалились в него, как в облако. Слышали, как по крыше барабанят тяжелые, словно булыжники, капли дождя. Лиза лежала на спине, дыхание ее было тяжелым. Я осторожно прикоснулся к ее ладони.

Она была холодной. Лиза не отдернула ее... Я осмелел и поднес ладонь к губам...

Потом меня просто захлестнула волна нежности – удивительной, незнакомой мне нежности, смешанной с отчаянием.

– Ты не исчезнешь? – спросил я.

Она повернулась на бок, и мы какое-то мгновение смотрели друг на друга, ее глаза плавали передо мной, как две влажные синие рыбины. Я привлек ее к себе. Но она отстранилась:

– Послушай-ка, я бы не хотела морочить тебе голову... Вряд ли все это можно будет считать случайностью. Уж я-то в этом кое-что понимаю...

– Конечно, это не случайность. Это не может быть случайностью... – Я задыхался, целуя ее руку все выше и выше. – Я мечтал о тебе с первого же дня!

– Подожди! – Она резко поднялась и села напротив меня по-турецки. – Мне все это совершенно ни к чему. Понимаешь? Да и тебе тоже. Тебе сколько – восемнадцать? Значит, я на десяток лет старше!

– Какое это имеет значение? – не понимал я.

– Для сегодняшней ночи, конечно, никакого, – согласилась она. – Но тебе же, я уверена, этого будет мало. Я правильно понимаю?

– Да. Скорее всего, я однолюб...

– Вот видишь... Зачем же мне портить тебе жизнь? У тебя

еще все впереди...

– С тобой!

– Нет. Во-первых, у меня – ребенок...

– Замечательно!

– Во-вторых – своя жизнь, к которой я привыкла и которую никоим образом не собираюсь менять. Этот миг пройдет, а потом ты будешь преследовать меня, чего-то требовать... А я от этого так устала. Мне это не нужно. Понимаешь?

Но я уже ничего не понимал...

Потом обрывочными вспышками, как и в первый вечер, я видел только ее легкий, прозрачный контур, который парил надо мной. Все смешалось. Дождь и ветер раскачивали сарай, как лодку, шуршало сено, и я обнимал ее вместе с охапками сухой душистой травы. Она и сама была травой – дурманящей, исцарапавшей меня с ног до головы. До крови, выступившей на спине и локтях...

Я сказал ей, что – однолюб. Но тогда я еще не знал, что это была правда.

Елизавета Тенецкая

1

Она вернулась в город раньше положенного путевкой

срока. Уставшая, простуженная и раздраженная. Ведь если не любишь ничего коллективного, зачем нужно было тащиться в тот поход? Кости еще ныли от путешествия на телеге, в которой хозяин того сарая довез ее и студента до турбазы. Как оказалось, забрели они довольно далеко – телега тряслась по лесу и горам часа два! На турбазе это приключение замяли. Слишком молчаливой оказалась и странная парочка: студент пребывал в состоянии непонятной эйфории, дамочка лишь отмахнулась от медсестры, подступающей к ней с термометром...

Хороша же она была в тот момент! И зачем вообще нужен такой отдых? Поддалась на уговоры подруги, и вот результат: та же скука. Только к ней добавился романтический инцидент. Нет, нужно что-то с собой делать!

С сентября она начнет работать на кафедре, что-то там преподавать, распинаться перед зелеными первокурсниками, зная, что каждое ее слово будет пронизано ложью. А этим мальчикам и девочкам при нынешнем положении вещей никогда не снять своего «Андрея Рублева». Тогда – о чем может идти речь? И еще ее беспокоила мысль, что, скорее всего, среди студентов, будет *этом*. Пошлее ситуации не придумаешь!

Лиза поднялась на третий этаж, достала из кармана ключ от общей двери. В длинном коридоре было темно и тихо, соседи еще не вернулись с работы. Лиза толкнула дверь своей комнаты – она ее не запирала, бросила чемодан у порога

и подошла к кровати. Села. В комнате пахло пылью, как это всегда бывает, когда хозяев долго нет дома. Нужно было позвонить маме, чтобы она привезла Лику ближе к вечеру, а пока она уберет, сходит в магазин, купит молока и хлеба, приготовит что-нибудь вкусненькое...

Лето закончилось... Оно было коротким и промелькнуло почти незаметно. Лиза вспомнила, какие надежды на него возлагала. Целый год шли переговоры о включении ее в делегацию, которая ехала на конференцию в Мадрид. Ей пришлось собрать немислимое количество справок, включая медицинские, обойти сотни мерзопакостных кабинетов, где каждый клерк окидывал ее скептическим взглядом и, как правило, спрашивал: «А вы не собираетесь остаться за границей?»

Некоторые предлагали обсудить этот вопрос «за рюмкой кофе» где-нибудь в уютном валютном баре – особом месте, доступном лишь избранным. И вот, наконец, когда все вроде бы получилось, ее вызвал завкафедрой и, блуждая взглядом по обоям собственного кабинета, объяснил, что там, «наверху», вдруг выяснилось, что у нее ребенок от неблагонадежного лица, отбывающего срок за антигосударственные высказывания.

– Деточка, – сказал он, – вам следовало бы сразу сообщить об этом. А так получилось, что вы намеренно скрыли этот факт. Теперь уж ничего не поделаешь. Вот если бы ребенка не было... Вы же не регистрировали свой брак?

Это была правда. Когда дома узнали, что Лиза общается с сомнительными личностями и ее уже вызывали для беседы «в органы», мама сказала: «Добегалась!» А когда выяснилось, что дочь еще и беременна, добавила сурово: «Догулялась...» Что-то объяснять не было смысла. Для этого нужно было слишком много слов и усилий, а она предпочитала молчание.

После выпускных экзаменов в институте ее любимая преподавательница, заметив кругленький животик, сказала, когда они остались наедине:

– Тебе будет трудно. Но даже не из-за ребенка. То, что ты решила его оставить, – хорошо. Запомни: ты очень талантлива. И должна выстоять – переждать, перетерпеть. Оставайся пока что в аспирантуре, а там будет видно. Времена меняются. Занимайся ребенком, устраивай быт – это тоже очень важно. И – жди. Возможно, уже не долго осталось...

Сейчас маленькой Лике два года. Времени прошло не так уж много. А терпение лопнуло. Это стало абсолютно ясно после отказа в поездке. Не говоря уже об уничтожении «Безумия» и еще нескольких работ, которые видели только однокурсники. И она, прежде всего, занималась Ликой.

Она всегда знала, что у нее будет девочка именно с таким именем!

Когда-то очень давно Лиза с бабушкой отдыхали в пансионате на берегу Азовского моря. Ей было тогда, кажется, одиннадцать, а вокруг – ни одной ровесницы. Тогда она по-

знакомилась на пляже с четырехлетней девчушкой. Вернее, малышка сама подошла к ней. Вначале Лиза недовольно отмахивалась от ее настойчивых вопросов, а потом ей стало интересно. А со временем и вовсе произошло чудо: эта кроха оказалась умницей и к тому же большой фантазеркой. Девочку звали Лика.

– Анжелика? – добивалась Лиза. – Ангелина?

– Нет, Лика! – настаивала малышка.

О чем они говорили, вспомнить трудно, но у Лизы осталось впечатление, будто она повстречала маленького ангела, умеющего говорить просто о сложном. Лиза, забавляясь, задавала ей самые каверзные вопросы, о которых задумывалась сама, – «Есть ли Бог?», «Как на земле появился первый человек?» и даже об устройстве Вселенной, – и девочка выдавала такие «шедевры», что их стоило бы записывать. Не записала. А теперь забыла окончательно. Осталось имя – Лика.

Лика – девочка, дитя такой краткой и жгучей любви, ее надежный якорь, удерживающий у берега. Она появилась на свет под мелодию Моцарта, лившуюся из больничного репродуктора – так же легко, как и эта мелодия несколько столетий назад. И Лизе казалось, что на ней не застиранная больничная сорочка с огромной прорехой на животе, а венецианские кружева. Несколько дней, проведенных в роддоме, были самыми счастливыми в ее жизни. Ощущению счастья не мешало ничто – ни тараканы, снующие по стенам,

ни лопнувший в глазу сосуд, ни болтовня трех соседок по палате, которые без устали ругали собственных мужей. Она хотела, чтобы ее девочка была похожа на Лику из детства. Когда медсестра внесла младенцев – по двое на каждой руке – Лиза сразу же узнала своего: из-под казенного чепчика выбивались каштановые кудряшки...

– Ух, какая ядреная девка получилась! – сказала медсестра. – И спокойная какая! Видно, будет профессоршей...

Теперь вся ее жизнь посвящена Лике и... ожиданию. И в ней нет места никому другому! Тем более – какому-то студенту!

В последнее время она стала замечать, что ее совершенно не интересует все внешнее. Она, словно губка, вбирала в себя все соки окружающего мира, и этот мир – в лучшей, модифицированной форме – совершенный и справедливый, существовал внутри нее. Все, что происходило извне, включая немногочисленные романы, Лиза воспринимала, как каплю йода в стакане с чистой водой. Мир, который она выстраивала внутри («Будь терпелива! Времена меняются...»), не был воздушным. Он ждал своего часа...

2

...Проблемы начались с первого же дня занятий. Она вошла в аудиторию и сразу же наткнулась на глаза. Его глаза. Студент сидел в первом ряду и не сводил с нее внимательно-

го взгляда. Это было невыносимо. Тем более что ей впервые пришлось предстать перед студентами в новом качестве – куратора курса. Вначале ей показалось, что эти глаза смотрят довольно нагло и двусмысленно. Но с каждой минутой это впечатление улетучивалось. Как человек, умеющий различать малейшие оттенки чувств, Лиза ощутила, что в них нет агрессии или вульгарного намека на августовское приключение. Взгляд студента словно обволакивал защитной аурой, оберегал ее. И она успокоилась.

В конце пары, на которой она дала первокурсникам расписание, пояснила правила внутреннего распорядка, он подошел к ней в числе других – в основном девчонок – и, выждав, пока затихнет их восторженный щебет и они разойдутся, сказал:

– Я бы хотел пригласить вас... тебя... к себе в гости. Это возможно?

Она строго нахмурила брови:

– Нет. Надеюсь, вам это понятно? Или будут проблемы?

Он почти что покрылся изморозью, как от дыхания ледяного океана, на лбу выступили бисеринки пота.

– И прошу вас, – добавила Лиза, – называйте меня, как все – по имени-отчеству. Иначе... Иначе мне придется завтра же уволиться. Договорились?

Он кивнул.

– Хорошо. Я буду ждать. Сколько будет нужно...

– Напрасно! – Она захлопнула журнал и быстро пошла

к двери, на пороге оглянулась. – Не бери дурного в голову, мальчик! У тебя все еще впереди.

Вот, в общем-то, и все. Лиза посидела на кафедре до двух, потом отправилась домой.

Шла по городу, словно в тумане, с трудом продираясь сквозь ватную пелену, наплывающую на нее большими мутными клубами. Можно было зайти в Дом кино, выпить кофе, встретиться со знакомыми, засесть в их обществе до семи (в семь мама приводила домой Лику), но тогда голова будет забита несметным количеством чужих забот и проблем, вечер будет испорчен. Но что делать до семи?

Лиза почувствовала себя одинокой лодкой, бессмысленно бьющейся о чужой берег. Жажда жизни шевелилась в ней, как... как камни в почках. Если бы их можно было растворить, перемолоть в себе. Тогда бы все ее существо наполнилось веселыми воздушными шариками, и она бы взлетела вместе с ними туда, где... «Где – что?» – подумала Лиза. Где царит радость, искренняя радость от того, что живешь, наслаждаешься воздухом, вином, запахом леса... «Так и будет!» – сказала себе Лиза. Но не сейчас, не теперь. Таинственный лес – свежий и веселый, с прозрачными родниками и мелкими дикими черешенками – еще примет ее в свои объятия. Нужно только подождать. Она вдруг задохнулась от воспоминания о запахе сена там, на чердаке, в сарае-курятнике. Мальчик-студент обещал ждать. Ждать – чего? Какая разница! Она ведь ждет. Пусть и он подождет.

Лиза решила зайти в кафе – свое любимое, расположенное на первом этаже городской бани. Кофе здесь готовили не растворимый, а настоящий – по-восточному, на горячем песке в керамических турках, и тут всегда было мало народу. Только те, кто знал о существовании этой необычной забегаловки для любителей попариться.

Лиза осторожно взяла чашечку с кофе, поддерживая ладонью под дно – здесь специально отбивали ручки от чашек (чтобы не унесли!) – и села за самый дальний столик. Кафе было почти пустым. Время было неопределенное: для вечерних посиделок – слишком рано, для утреннего ритуала – слишком поздно. Лиза с удовольствием сделала первый глоток и непроизвольно оглянулась на дверь – здесь несколько лет назад собиралась ее «сомнительная» компания. Теперь неизвестно, кто где... Стоп! Лиза напрягла зрение, стараясь в полумраке разглядеть силуэт входящей в этот момент женщины.

Она не ошиблась. Это действительно была главная героиня ее уничтоженного фильма, талантливая актриса, которая после многих триумфов канула в безвестность. До Лизы доходили слухи о ее бурном романе с известным режиссером, о его трагической гибели, в которой обвинили ее и даже продержали три года в колонии строгого режима, и о том, что она начала довольно серьезно выпивать.

Три года дали о себе знать, наложили отпечаток на внешность, походку и манеру поведения, но жест, которым жен-

щина поправила прическу, остался тем же – элегантным, будто не было в ее жизни ни синей казарменной униформы, ни кирзовых сапог.

Актриса (Лиза называла ее уважительно – Анастасией Юрьевной) оглядела небольшой зал и безошибочно направилась к ее столику. Лиза поднялась, они молча обнялись, постояли так с минуту к удивлению других посетителей, пока щемящий миг встречи не сменился неловкой паузой. Сели за столик.

– Ты совсем не изменилась, дорогуша! – воскликнула актриса. – Что двадцать пять, что двадцать восемь – разницы не чувствуется. В эти годы женщина может и не меняться, может даже помолодеть. А в мои годы... Но – ради бога! – без комплиментов! Мне сейчас все делают комплименты, будто я не из тюряги, а из косметического салона вышла.

Она говорила, как обычно, много, почти не слушая собеседника. Лизу это поразило еще на съемках: другие были напряжены, повторяли роль, вживались в образ или сосредоточенно молчали, а эта вела себя так, словно выплеснула из себя все лишнее. Лиза с детства знала ее по фильмам и театральным ролям – играла она в основном принцесс в детских сказках, нежных «тургеневских» девушек и «арбузовских» максималисток. Милая курносость, аккуратное кругленькое личико, брови-стрелочки и – грация в каждом движении... Когда Лиза поступила в театральный, афиши с портретами этой звезды были расклеены по всему городу.

В студенческие времена Лиза подрабатывала в театре костюмером. Иногда, в выходные, когда актрис не было, она надевала их платья и вертелась перед зеркалом. В один из таких моментов вошла она, примадонна. Правда, тогда она уже не была нежным ангелом и, как поговаривали, тихо спивалась после смерти трехлетнего сына, оставаясь при этом личностью трагедийно-романтической, объектом сплетен и ухаживаний. Она вошла неслышно и остановилась перед Лизой:

– Какое золото тускнеет в костюмерных! Надо же... – сказала она, бесцеремонно пожирая Лизу своими большими глазами, – Ты именно такая, какой я всегда мечтала быть – «в уголь все обращающая»!

– А вы – такая, какой мечтаю быть я! – отважилась Лиза на ответный комплимент.

– Ты меня знаешь?

– В кино видела, и на сцене... – Лиза вдруг растерялась: женщина, стоящая перед ней, была необычайно красива, недостижима. Она слышала, что некоторые называют ее «гениальной стервой»...

А потом было «Безумие». То, что играть будет именно Анастасия, Лиза знала наперед. Эта роль стала лучшей работой Анастасии в кино. Лучшей и... последней.

– Ты пьешь или – праведница? – прервала ее воспоминания актриса. – Может, угостишь?

Лиза подошла к стойке и заказала коньяк. На лице актрисы проступил румянец. Она выпила залпом. Лизе стало

грустно.

– Ты сейчас над чем-то работаешь? – спросила ее Анастасия.

– Нет. Я осталась на кафедре. Преподаю.

– Ну и молодец, – почему-то обрадовалась собеседница, – целее будешь... Таким, как ты, лучше сидеть тихо, как мышь... – Актриса неуверенным движением поднесла палец к губам, и Лиза с ужасом поняла, что ей хватило бы и наперстка, чтобы опьянеть. – Съедят тебя, ох, съедят. Не завистники, так мужики. Но, знаешь, что я тебе скажу, – не давай себя сломать. Гнуться – можешь, а вот так, чтобы надвое, да еще и с треском – нет! Не те времена для таких, как мы, не те... Я вот – родилась Настасьей Филипповной, а что вижу: мелочевку, дразги, потные ладошки... Ты когда-нибудь сними что-то по Достоевскому, а? Не сейчас, а когда-нибудь потом... Я у тебя хоть стол кухонный готова сыграть. Обещаешь?

– Конечно, Анастасия Юрьевна. Только когда это будет...

– Ну вот когда будет, тогда и позовешь... – тон ее вдруг стал агрессивным, – а не будет – туда тебе и дорога! Значит, родилась ты костюмершей – костюмершей и умрешь! Давай еще выпьем, если денег не жалко...

Лиза снова заказала коньяк.

– Теперь уходи! – сказала актриса, склонившись над рюмкой.

– Простите...

– За что? – вскинула на нее глаза Анастасия. – Я, может, у тебя только и сыграла по-настоящему. За это и сдохнуть не жалко. Но я не сдохну. Ну все, иди, иди... Я злая становлюсь, когда выпью...

Лиза поднялась. На пороге оглянулась. Актриса сидела, низко склонив голову, скрестив еще стройные ноги в грубых чулках. По одному из них побежала «стрелка». И эта «стрелка» как будто разрезала надвое сердце Лизы.

3

Мама привела Лику немного раньше. Девочка сидела на ковре и рисовала что-то на листке бумаги, приговаривая при этом что-то вроде «пля-пля». Лиза знала, что в переводе это означает – «писать». Лиза тихонько остановилась на пороге. Она смотрела на круглую пушистую головку с мягкими, как у птички, волосиками. Они топорщились во все стороны, обнажая тонкую шейку с темной ложбинкой посередине. Голова девочки наклонилась, и из-за пухлой щечки почти не был виден курносый носик. Длинные, как у куклы, ресницы были прелестны. Девочка сосредоточенно водила карандашом по бумаге и изредка вздыхала от напряжения. Лиза окликнула ее. Девочка мгновенно обернулась, и лицо ее расплылось в безмятежной улыбке. Лиза не могла для себя решить – хороша ли дочь? Черты лица слишком мелкие: крохотный нос, четко очерченный маленький ротик, зелено-

вато-голубые глаза... Высокий лоб, обрамленный рыжеватыми кудряшками, делал это лицо непропорционально большим.

С минуту они разглядывали друг друга. Наконец Лика наморщила лоб и пояснила: «Пля-пля!» Она «писала».

Лиза понимающе кивнула и прикрыла двери...

Денис

1

Я не мог дождаться начала занятий. Вдруг все стало казаться мелким и второстепенным – и поступление в институт, и мечты о славе...

Она так неожиданно уехала, раньше положенного срока, практически сбежала. Когда я узнал об этом, на меня навалилась пустота. Было такое ощущение, что я лишился какого-то важного органа. Я казался себе бабочкой-капустницей с оторванным крылом: трепыхался, пытаюсь взлететь, но только смешно и тщетно барахтался в пыли. Неужели так будет всегда, в отчаянии думал я. Лес больше не привлекал меня. Я стал неинтересен своим приятелям и старался держаться от них подальше. Еле дождался конца срока и первым утренним автобусом отправился в райцентр, чтобы поскорее сесть в поезд.

Надеялся, что она позвонит мне (я оставил ей номер своего телефона, так как своего она не дала), и всю неделю до начала занятий тупо просидел дома. По ночам я смотрел на луну – такую круглую и ровную, как поверхность зеркала. Наблюдал, как она поднимается над верхушками деревьев и крышами домов, плывет по небу и медленно растворяется в серой пелене утра. Сколько таких лун пройдет по небу, пока мои надежды оправдаются? Ответа не было. Искать Лизу в институте я боялся.

...Когда она вошла в аудиторию и мельком равнодушно взглянула на меня, я понял, что больше ничего не будет. И когда она сказала, чтобы я не «брал дурного в голову», решил ждать. Ждать, сколько понадобится. Я знал, что это будет нелегко. Но интуитивно понимал: торопиться нельзя.

Сначала мне даже нравилось культивировать в себе страдания «юного Вертера». В конце концов, я был романтичным, увлекался Блоком и ничего не имел против того, чтобы в моей жизни появилась Прекрасная Дама. И не мифический собирательный образ, а вот такая – реальная и достижимая. На несколько недель мне хватило возбуждающих воспоминаний о ее достижимости. Я только то и делал, что восстанавливал в памяти каждую минуту той ночи и ловил себя на мысли, что делаю это как... киномонтажер, а не как любовник. Мне важно было восстановить пленку, но не ощущения. Вот когда я восстанавливаю ее с точностью до секунды и надежно зафиксирую в своем воображении – тогда, рас-

суждал я, предамся чувственному восприятию. Очевидно, уже тогда во мне проснулся тот, кто, по словам Блока, «отнимает запах у цветка»... Я даже злился на себя, когда, восстанавливая очередной обрывок (вот молния прорезает небо и в ее вспышке возникает бронзовый изгиб бедра!), покрывался испариной и упустил нить воспоминаний. Приходилось прокручивать все заново.

Я просыпался совершенно разбитым, нехотя завтракал и брел в институт без всякого энтузиазма.

– Ты ведь так мечтал об этом институте! Чего тебе не хватает? – не выдержала однажды мама. – Вспомни, скольких усилий стоило тебе поступление! К тому же, если ты будешь нормально учиться, у отца будет больше оснований договориться насчет освобождения от службы в армии.

Услышав последнюю реплику, отец недовольно фыркнул, мать переключилась на него:

– Да, да! И не нужно фыркать – у нас единственный сын! Вспомни, что случилось с Верочкиным мальчиком! Дениска пойдет в армию только через мой труп!

Они принялись спорить, и я выскользнул из квартиры...

2

Пленку с воспоминаниями я так и не восстановил. Мешали запахи, звуки, сладкие минуты беспомыслия, когда я вообще ничего не соображал. И, соответственно, не мог ниче-

го нарисовать в своем воображении. Я оставил это бесполезное и выматывающее занятие. Вернулся в реальность, в которой она сидела за столом в столовой, выходила из института, шла по городу, заходила в магазины и кафе. Я начал следить за ней. Шел на большом расстоянии, чтобы – не дай бог! – она меня не заметила. Я изучил распорядок ее дня, видел, как по субботам она гуляет с дочкой – рыжим лягушонком, знал, что ее любимое кафе – в помещении городской бани. Однажды, когда она вышла оттуда, я, оставив слежку, зашел туда и попытался угадать, за каким столиком она сидела. И угадал безошибочно – по марке недокуренной сигареты, которую... сунул в карман.

Следующей стадией моего безумия стал цинизм. То есть я попытался выработать его в себе, как змея вырабатывает яд. Это был своего рода психологический тренинг. Думаю, меня поздравил бы сам Фрейд. Я снова прокручивал в памяти эпизоды своего августовского приключения, но на этот раз в совершенно другом ракурсе. Это было совсем не просто. Ну что, собственно, произошло? – размышлял я. Обычный курортный роман, нет – романчик, хуже – банальная интрижка, еще точнее – единоразовое спаривание, секс... Каприз скупающей дамы, одна проигрышная партия в пинг-понг. Когда дело доходило до разных скользких словечек, которыми называют все, что произошло между нами на чердаке, – я грыз зубами подушку. Чтобы окончательно все разрушить, нужно было бы сделать следующий шаг: поведать о приключении

двум-трем друзьям-сокурсникам. При этом быть в стельку пьяным, перемежать речь матом, описывая во всех подробностях ее тело и то, как она дрожала в моих объятиях, и то, как просила встречаться тайно у нее на квартире... Может быть, этот кислотный дождь уничтожил бы мою хворь навсегда. Но так поступить я не мог – пришлось бы уничтожить и себя.

Как избавиться от навязчивой идеи и обрести равновесие, я не знал. Несколько раз я встречался со своими бывшими подружками. Но это повергло меня в еще больший шок: я ничего не чувствовал! То есть в физиологическом плане все было нормально, технику не утратил. Но я с ужасом открыл в себе какой-то новый вид импотенции: все происходило автоматически. Я был роботом, вырабатывающим гормоны, – не более того. После таких свиданий я пытался проникнуться к своей партнерше хотя бы нежностью, вспоминая ее руки, ноги, бедра и розовые колени, но нежность не возникала. В голову лезло что-то совершенно лишнее: вспоминал пятно на обоях, жужжание мухи, рисунок на ковре.

Я вспомнил о вине, о проклятом теткинском вине, которое Лиза назвала «колдовским». Я ненавидел все, что связано с предрассудками, но сейчас испугался почти по-женски: а что если тетка, которая продала из-под полы ту бутылку, – действительно ведьма? А ее вино – какое-то приворотное зелье, которым она пытается свести со свету весь род мужской?

...Через месяц, когда все остальные старательно конспек-

тировали скучные лекции, казавшиеся мне полной абракадаброй, я почувствовал некоторое облегчение: на смену цинизму и беспорядочным связям пришли более действенные ощущения – ненависть и жажда любой деятельности. Я бродил по улицам и размышлял, что бы мне совершить? Бить витрины? Писать на стенах политические лозунги, типа: «Свободу такому-то»? Выкрикивать стихи на перекрестке или нарваться на нож в темной подворотне? Точно помню, что хотел, чтобы меня скрутили санитары, чтобы у меня изо рта шла розовая пена вместе с бессвязными словами, чтобы мне вкололи транквилизаторы и заперли в палату, где я смог бы свободно биться головой о стену... Другая жизнь была мне не нужна, она потеряла смысл. Слава, о которой я мечтал, превратилась в комок грязи, плюхнувшийся мне в лицо. Для чего и ради чего она нужна, рассуждал я, впервые задумавшись об этом. Вспомнил сказку «Руслан и Людмила» – трогательную детскую ностальгию с голосом мамы, которая склонилась надо мной, больным ангиной, и увлеченно декламирует пушкинские строки. Удивительно, но мне больше всего запомнился второстепенный герой, который совершил кучу подвигов и, уже превратившись в старика, слышит от Наины одно и то же: «Я не люблю тебя!»

Я не был стариком, я был молод, полон сил и планов, но эти четыре слова полностью выбили меня из седла.

...Весной моих одногодков начали забирать в армию. Многие мои однокурсники уже отслужили (преимущество при поступлении на наш факультет предоставляли именно таким), настал и мой черед. Я видел, как помрачнели родители, как они закрываются от меня на кухне и подолгу о чем-то шепчутся, мама рыдает, отец возвращается домой поздно и навеселе, а мать даже не ругает его. Наоборот – достает через свою подругу (ту самую, у которой в прошлом году погиб сын) импортное спиртное и утром кладет его отцу в портфель. И он снова идет куда-то «в бой».

Но меня это не волновало до того самого момента, когда они торжественно сообщили, что от службы в армии я освобожден! Вот тут мое безумие и отступило...

Армия! Вот где выход. Я должен буду вставать по звонку (или – трубе, черт его знает, как это происходит), бегать по плацу, падать лицом в грязь, вставать и снова падать, отжиматься от пола, отдаться чьей-то воле – подтверждая тем самым свое превращение в робота, в механизм, в объект для официально дозволенных издевательств.

Утром я помчался в военкомат. А вечером выдержал нелегкий разговор с родителями, который закончился вызовом «неотложки» для мамы...

Я мужественно вынес бессмысленный ритуал под назва-

нием «провода», не усадив рядом ни одну из своих поклонниц. Выслушав торжественные напутствия отца, соседей, однокурсников – напился, целовался неизвестно с кем... Я хотел поскорее избавиться от всего этого.

Потом я ехал в вагоне, смотрел на стриженные затылки вчерашних школьников, своих новых товарищей, и улыбался. Я уезжал от нее. Я был почти счастливым – оглушенным и ослепленным куском биомассы, лишенным чувств, желающим одного – быть убитым. Или... убивать.

Когда после быстрой подготовки недалеко от Бишкека нам объявили, что часть направляют в Афганистан, – покой наконец снизошел на меня.

Это было то, что нужно...

Часть вторая

Денис

Декабрь, 1994 год

1

За неделю до Нового года я получил приглашение работать в столице. Переговоры о переводе «талантливого сценариста и клипмейкера» велись с продюсерским телевизи-

онным агентством уже давно. Но вначале меня не устраивало то, что придется жить вместе с родителями. Только когда работодатели сообщили, что готовы купить мне квартиру неподалеку от центра, я согласился.

И вот теперь я провожал этот год в своей однокомнатной «гостинке», в которой жил после распределения в этот не такой уж и маленький, но все же провинциальный городок.

Мне нужно было собраться с мыслями и вообще – собраться, поэтому я ограничил всяческие контакты с внешним миром. Только заходил на прежнюю работу, подписывал какие-то бумажки и скрывался от телефонных звонков своих временных приятелей. Друзей у меня не было. В этом городе оставалась женщина, на которой я так и не решился жениться и испытывал из-за этого нестерпимое чувство вины. Все в моей голове смешалось, превратилось в кашу, и теперь мне нужно было осмыслить, подвести черту под этими почти бесцельно прожитыми годами...

За окном медленно разворачивались и свисали до земли длинные спирали метели, они были похожи на бинты. Казалось, что там, высоко в небе, лежит огромный раненый великан. Мне исполнилось тридцать пять... Немалый – если не больший – кусок жизни остался позади. Что в ней было? Можно с уверенностью сказать – я везунчик. Таких обычно ненавидят, к таким тянутся лишь для того, чтобы почерпнуть энергии и идти дальше...

...В Афгане меня не шлепнули, и я попросился на второй

срок, а когда благополучно отрубил и его, остался на третий. На меня смотрели как на идиота или – законченно-го убийцу. Честно говоря, я и сам чувствовал себя не совсем нормальным. В моей голове словно крутилась бесконечная бобина с киноплёнкой, на которой я отстраненно фиксировал события. Единственное, что меня не привлекало, – валяться с развороченным животом на чужой площади, как Серега из Шепетовки. Вернее, на площади – это еще туда-сюда, но развороченный живот... Снесенный череп, как у Кольки из Луганска, меня тоже не устраивал. Вообще, самым страшным была не сама смерть, а мысль о том, что с тобой будут делать потом – поволокнут в брезенте в глинобитную мазанку, называющуюся «моргом», присыплют дустом или еще каким-нибудь дезинфицирующим средством... Но это – в лучшем случае, если подберут свои. Понимая, что я попал в глобальную пертурбацию, почти в Средневековье, я, как и прежде, обращал внимание в основном на детали, полагая, что только они имеют хоть какой-то смысл. Поэтому память зафиксировала множество разных вещей, которые мучают меня по ночам до сих пор: разрезанная пополам крыса (она пробежала по краю импровизированного стола как раз в тот момент, когда мы глушили спирт, поминая Серегу, и наш старлей ударил ее тесаком, как будто в ней воплотилась смерть нашего товарища), розовый сосок, виднеющийся в прорехе бесформенного вороха тряпья, прикрывающего то, что некогда было человеческим

существом, испуганные черные глаза Зульфйки (полоумной пушгунки, следующей за нами) в тот момент, когда Тимохин делал к ней свой «четвертый подход»... Три своих краткосрочных отпуска я провел неподалеку от Бишкека. Я не мечтал увидеть чистую постель и набережную Днепра из окна своей спальни. Я не видел себя в той жизни.

Родители забросали меня письмами. И лишь когда они неожиданно замолчали, я решил, что пора возвращаться. Отказался от направления в военную академию, чем несказанно удивил руководство, и отправился домой.

По дороге я читал Хэмингуэя, покуривал «травку» в туалетах поездов и думал, что я – типичный представитель «потерянного поколения»...

2

Я вернулся весной, а летом, по настоянию родителей, восстановился в институте. Это не потребовало таких усилий, как шесть лет назад, – я просто надел форму. Меня окружали желторотые юнцы, в которых я узнавал себя прежнего... Конечно, попытался разузнать о Елизавете Тенецкой. В первый день занятий, идя по коридору, я мечтал встретить ее. Хотя всего за день до этого был уверен, что выбросил тот период из своей жизни навсегда. Ничего подобного! Я все так же мечтал увидеть ее. Проклятье! И все же я знал, что теперь все может быть по-другому. Я уже не был изнежен-

ным глупым мальчишкой, выглядел намного старше своих лет. Был уверен, что смогу взять ее за руку, даже если она этого не захочет. Но мои надежды оказались напрасными – на кафедре сказали, что Тенецкая уже давно тут не работает. А где она – неизвестно. По старому адресу она уже не жила. В бане у площади больше не было того кафе. Да и самой бани – тоже. В этом здании расположился филиал какого-то банка.

В то время я был переполнен ненавистью. Я с отвращением замечал, что жизнь здесь не изменилась, что тот островок крови и грязи, на котором я находился все эти годы, – для здешних обитателей не более чем «мифы и легенды народов мира». К тому же я кожей чувствовал нездоровое любопытство окружающих меня людей. «Тебе приходилось убивать?» – спрашивали меня однокурсники и жаждали подробностей. Однажды мне пришла в голову мысль, что она, Лиза, тоже спросила бы об этом. Словом, «Герой, я не люблю тебя»!..

Я отучился положенные пять лет. Не могу сказать, что не искал ее. Искал. До тех пор, пока не пришел к выводу: в конце концов, всем хочется только одного – любви, а иначе говоря – признания. Поиски любви могут довести до чего угодно – до терроризма, феминизма, фашизма, еще чего-нибудь. Кто не хочет кануть в Лету и при этом не имеет никаких талантов, стремится любым способом заявить о себе. Если бы Гитлера признали настоящим художником, а Иоси-

фа Джугашвили не турнули из духовной семинарии, захотели бы они оставить миру память о себе таким ужасным способом? А чего не хватало этим грязным свиньям, которые послали на верную смерть Кольку из Луганска! Может, любви? По крайней мере, к родине...

Нелюбовь превращает человека в прокаженного с колокольчиком на шее: его слышно повсюду, и этот звон – сигнал к бегству для остальных. Ибо любовь нужна такому прокаженному только как цель, к которой он должен идти в полном одиночестве. Идти долго, бесконечно и никогда не останавливаться. Думаю, на мне тоже висел такой колокольчик с предостережением: «Не подходи – убьет!». Я был лишь искателем, путником, не мог задержаться ни в одном жилище, которое встречалось на моем пути.

Я уже не мечтал о славе. Эти юношеские бредни выветрились из моей головы. Я увлекся другим – взялся за учебу, завел кучу записных книжек и папок, куда складывал интересные вырезки из единственной иностранной газеты «Times», которая продавалась в киосках. Перечитал гору книг, на которые раньше не хватало времени...

...И вот теперь, собираясь покинуть городок, приютивший меня, я открыл свой дневник и, прежде чем сжечь его, решил кое-что перечитать...

«Нужно свыкнуться с жизнью на вершине горы – чтобы жалкая болтовня о политике, об эгоизме народов звучала далеко внизу. Необходима предопределенность к тому,

чтобы существовать в лабиринте. И... семикратный опыт одиночества...» – и дальше уже мое: «Ницше достоин уважения хотя бы за то, что с его антигуманистическими и антихристианскими идеями согласится лишь меньшинство. Зная это, он все равно остался самим собой!»

«Сострадание разносит заразу страдания – при определенных обстоятельствах сострадание может привести к потере жизненной энергии... Даже если у Бога есть свой ад: это любовь к людям!»

И снова мое: «Попробую записать то, о чем думал сегодня ночью... Ницше... Его философию могут понять люди, привыкшие жить «на вершине горы», отрешенные, по его же словам, от «болтовни и эгоизма». А сам он, как сапожник, ругает Канта, стремясь к первенству. Каждый смертный, если он по природе не философ и не способен обобщить действительность, ищет СВОЕГО философа. Сначала мне казалось, что мне нравится Ницше. Он и в самом деле нравится мне до определенной степени – с его идеей аристократов духа и рабов, осуждением святош. Ницше приветствует буддизм, потому что это – радостная религия, направленная на собственное тело, здоровье. Мне это претит. Мне не интересно среди радостных людей. Я давно уже прожил самое главное, и поэтому мне трудно изображать какие-то эмоции, кривляться, словно клоун». Снова цитата: *«Любовь – единственный, последний шанс выжить...»*

Я: «Лиза, я не помню тебя...» Библия: *«...Не клянитесь!»*

Ваше слово пусть будет «да» либо «нет». Все, что больше этого, – от лукавого...

...Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судить будете – таким осудят и вас...

...тесны ворота и узка дорога, которая ведет к жизни, и мало тех, кто находит ее!»

Мне стало грустно. Записи красноречиво свидетельствовали о хаосе, царящем в моей голове. Все это должно остаться здесь. Я нашел под ванной медный тазик, положил в него дневник и осторожно поджег с четырех сторон.

3

Я приехал в этот город «по распределению» на должность помощника режиссера. Оказалось, что такой должности не существует – штат был слишком маленьким, да и чего-то более масштабного, чем выпуски новостей и репортажи с открытия новых строительных объектов, местное телевидение не снимало. Директор сжалился надо мной и устроил на работу в кинотеатр.

– Ты ведь разбираешься в кино? – спросил он. – Вот и посиди там. А как только появятся вакансии – я тебе свистну. Ты же все-таки из столицы – пригодишься!

Его свиста пришлось ждать два года. Я снял квартиру неподалеку от кинотеатра, который назывался «Знамя Октября», и получил должность «старшего методиста». В мои

обязанности входил подбор фильмов для четырех залов кинотеатра. Каждый вторник к восьми утра все методисты города собирались в здании горсовета и парились там до позднего вечера, отбирая для своих заведений новые ленты. После заказа фильмов я должен был составить анонсы и начитывать их на автоответчик кинотеатра. Я до сих пор запросто могу произнести имена всех индийских актеров... «Сегодня и всю неделю в нашем кинотеатре смотрите...» – четко произносил я, зная, что сотни киноманов каждый день будут слушать весь этот вздор, который я нес в телефонную трубку.

Компания в кинотеатре подобралась довольно странная – в основном женщины с массивными золотыми серьгами в ушах и неустроенной личной жизнью. Все они были словно на одно лицо – перманент, пережженные белые волосы, ярко-красная помада. Они требовали мелодрам, бурно обсуждали «Зиту и Гиту», рыдали над «Есенией» и отчаянно ухаживали за мной.

Я просматривал фильмы, начитывал анонсы, проверял работу художников, рисовавших афиши (некто в духе Кисы Воробьянинова), и часами бродил по городу, отыскивая наиболее привлекательные его уголки. Но не находил – их просто не было.

Платили мне не много. Рестораны больше не интересовали меня. Судя по всему, следующим шагом и логичным завершением карьеры «известного режиссера» должна была стать женитьба. В какой-то момент я даже всерьез подумы-

вал об этом. Но это был момент отчаянного голода и нежелания самому стирать свой уже изрядно замусоленный свитер. Хотел ли я вернуться? Мне было все равно.

Ужас от бессмысленного пребывания здесь вряд ли можно было бы сравнить с моей конкретной жизнью в Афгане. Целыми днями, кроме тех, когда проходил просмотр, я просиживал на втором этаже кинотеатра в кафе, и мои «дюймовочки» (так я окрестил трех своих подчиненных, «младших методисток» – старожила кинотеатра бабушку Валю, бывшего искусствоведа Веронику Платоновну и похожую на цыганку сорокалетнюю красавицу Риту) не беспокоили меня. Я был «человеком из столицы», к тому же – с высшим кинематографическим образованием, плюс еще и неженатым! Одним словом, священная корова.

Через полгода трудного привыкания к городу у меня появилась первая женщина. Говорю «первая», потому что остановился только на восьмой, которую теперь так подло бросаю. Здесь я прочитал гору книг – романтического мусора (с книгами тогда еще было туго, а сидеть в библиотеке мне надоело) и сделал открытие: все авторы четко вырисовывали внешность героинь – фигуру, цвет глаз и прочие привлекательные части тела, от которых главный герой был без ума. Даже перечитывая Флобера, Чехова или Бальзака, не мог понять, нормален ли я. Ведь женщина, которая могла бы мне понравиться, должна была быть как вода... Как только мне удавалось четко описать все достоинства какой-то новой зна-

комой, мой интерес к ней угасал. Понимал: не то! Если же после первого свидания не мог двух слов сказать о ее внешности – это уже было близко. Очень близко к тому чувству, которое называется симпатией. И... так бесконечно далеко от моей ослепленности Лизой...

4

...Наконец, это было в 89-м, меня разыскал директор (теперь это называется – «продюсер») телевизионной компании. Сеть вещания расширялась, и он вспомнил о «молодом специалисте», прозябающем в кинотеатре. Мне предложили должность режиссера в программе «Культура N-ска».

Нужно сказать, что все жители города были большими его патриотами. Здесь даже существовали понятия «N-ская ментальность», «N-ская духовность», «N-ский говор», в каждой библиотеке кучковались разные культурные и религиозные общества – от «рериховских» до «детей Кришны», в выставочных залах и «красных уголках» учреждений выставлялись картины местных художников исключительно на рабочую тематику – «Клятва сталевара» (интересно, какую клятву дают сталевары перед тем, как варить сталь?), «Мать» (привет Горькому!), «Шахтеры, пьющие кефир» (подходящий напиток для работяг!), «Будущий горняк» (а куда еще податься подростку из рабочей слободки?). Обо всем этом мы должны были ровно тридцать минут

вещать с экрана. Девушка-ведущая захлебывалась соплями восторга, и бороться с этим у меня не было ни малейшего желания. Я думал, что так будет всегда, пока меня не похоронят здесь, в этом городе Зеро, или же пока он сам не уйдет под землю вместе со своей ментальностью и рериховскими старушками.

Все началось неожиданно. В первую очередь для директора компании, когда сюда донесся легкий ветерок перемен. Появилась реклама. Робкие частные предприниматели местного разлива захотели, чтобы граждане узнали об их изделиях и выложили за них денежки. После многочасовых планерок, на которых директор, старый, закаленный в словесных баталиях партиец, хватался за сердце и бил копытом, мы все-таки последовали по новому пути. И ответственным за все «антисоветские действия» назначили меня. Я начал сочинять и снимать рекламные ролики. Это, кстати, дало мне возможность выпустить весь яд, накопившийся во мне в этом городке. Первый свой «шедевр» не забуду никогда! Мебельный комбинат захотел прорекламирровать свои жуткие кресла. Ролик был примерно следующего содержания. Возле кресла стоял затравленного вида гражданин. Затем рядом появлялся вмонтированный в кадр Жеглов в исполнении Высоцкого и орал: «Будет сидеть, я сказал!», и гражданин плюхался в кресло. После этого эпизода заказчики пожелали лирики, и поэтому, как только мужик удобно устраивался в чудесном кресле, на экране начинали порхать ба-

бочки, а над головой героя возникала надпись: «Сядешь – не встанешь! Покупайте кресла и стулья мебельного комбината...» Это был хулиганский поступок, вызов. Но директору комбината моя работа понравилась, и я получил от него из рук в руки белый конверт. Потом таких конвертов было много.

Я купил себе длинный кожаный плащ и в один из дней устроил роскошный ужин для своих сотрудниц-«дюймовочек». Бабушка Валя промокала платочком покрасневшие глаза, Платоновна наслаждалась импортным ликером, а Ритуся теребила под столом мою ногу своей разгоряченной ступней. Словом, жизнь начинала налаживаться, загнивающий капитализм постепенно побеждал, а я с головой окунулся в новую игру, и она начинала мне нравиться. Когда горемычного шефа отправили на заслуженный отдых, наш рекламный отдел уже цвел махровым цветом, а всю съемочную группу накрыла волна-цунами цинизма. Последующие три года мы были нарасхват, а у меня появились заказчики из соседних областей... Настоящий успех пришел после того, как я снял (все придумывал и снимал сам) музыкальный клип с участием дочери местного авторитета. Его крутили несколько месяцев по всем каналам, а мне начали позванивать из столицы.

Я снова начал функционировать как... на войне. Тихое болото кинотеатра, по крайней мере, давало возможность чувствовать себя свободным.

Я больше не был представителем «потерянного поколения», жизненная дистанция ежедневно увеличивалась, и мне нужно было тренировать легкие.

Проснулся ли во мне вкус к жизни? К обеспеченной жизни – точно! А главное, я понял, что эту жизнь могу создать сам, своей головой. Это было приятное ощущение. Раньше и представить себе такое было трудно!

Я мечтал, что вскоре смогу вознестись так высоко, что у меня хватит сил, средств и нужных связей, чтобы наконец сделать что-то стоящее. И я знал, что именно: снять фильм «Безумие»... А вернее – восстановить его. Бред! Все – не так! Почему я до сих пор не мог сказать правду?

Я найду Елизавету Тенецкую и предложу ей снять этот фильм. Это будет деловая встреча и деловое предложение.

...В декабре 1994 года я собирался переезжать в город своего детства.

Я возвращался туда победителем. Мне предлагали огромные по тем временам деньги, и предполагалось, что их сумма будет расти пропорционально моим успехам. Я был нужен. Меня ждали. У меня было множество планов и свежих идей. Только к одному я не был готов – услышать: «Богач, я не люблю тебя!»...

Денис

1996 год

...Я жил в просторной двухкомнатной квартире неподалеку от телецентра. Два раза в неделю заезжал к родителям, загружал им всегда полупустой холодильник разной вкуснятиной. Все это я мог достать в специализированных магазинах, а чаще – у своих заказчиков.

Здесь я окунулся в совершенно иную жизнь. Время бурных митингов, которое обошло меня в провинции (там было тихо, как в оазисе), уже закончилось. Началось время пустых прилавков, будоражащих ток-шоу, «купонов», миллионных купюр накануне денежной реформы и... сериалов. Благодаря этому последнему фактору работы у меня было хоть отбавляй – каждая тридцатиминутная серия отбивалась рекламным блоком...

У меня были причины ненавидеть себя. Я был не таким, каким должен был быть, если бы жизнь сложилась иначе. Я не хватал брусочки сливочного масла, едва его вывозили в торговый зал универсама, не варил гороховый суп и не обсуждал безумные цены. Из заплесневелого «совка» сразу перешел в махровый капитализм. Как способный ученик, я будто перепрыгнул через несколько классов, и многое прошло мимо меня. Когда я выковыривал из-под ногтей кровь и грязь в Афгане, мои ровесники читали «Огонек», смотрели «Покаяние» и ссорились со старшими. В «уездном горо-

де N», в этой тихой заводи, я практически ничего не знал о митингах, акциях неповиновения, студенческих голодовках... Я стал обывателем, которому подвернулась возможность сытно есть и подниматься вверх даже не своими ногами, а на эскалаторе. Чтобы окончательно не утратить уважения к себе, в первые два года пребывания в столице я написал и защитил диссертацию по теме «Манипулятивные технологии в системе массовых коммуникаций». И снова попал в яблочко! Это было практически новым словом в рекламном бизнесе, который развивался бешеными темпами. Помимо своей основной работы я два раза в неделю читал лекции студентам на сценарном отделении кинофакультета. В меня влюблялись студентки, самых лучших я водил в «Националь», угощал суши... Мимо, все мимо!

Из моих старых приятелей на плаву остался только Макс, тот самый, с которым мы отдыхали на турбазе после вступительных экзаменов сто лет назад. Он сам нашел меня после того, как диссертация стала притчей во языцех среди телевизионщиков. Я пригласил его поужинать в «Националь».

Когда мы встретились у входа в ресторан, я его не сразу узнал. Макс изменился, как-то округлился. Он неловко топтался на пороге у стеклянных дверей и, едва завидев меня, произнес:

– Ну ты, старик, крутой! Да здесь же безумные цены!

Меня передернуло. Со времени своей службы в кинотеатре терпеть не могу разговоров о ценах и воспоминаний о том,

как мне приходилось по несколько месяцев сидеть на жареных кабачках по 30 копеек за килограмм.

– Не волнуйся, я угощаю! – буркнул я и толкнул дверь.

Швейцар (кстати, бывший «афганец», с которым я однажды разговорился, а потом давал щедрые чаевые) улыбнулся и вежливо придержал дверь, отчего Максово и без того красное лицо пошло пунцовыми пятнами.

Я заказал множество вкусных вещей, водку и коньяк. Пока услужливые официанты выставляли все это на столик, понял, что нам почти не о чем говорить. Моя голова была занята кучей новых проектов, недоступных Максовому пониманию, он же, скорее всего, считал меня снобом, недорезанным буржуем. Мы выпили по первой.

– О чем твой диссер, Дэн? – спросил Макс.

Я вкратце изложил суть, с каждым словом убеждаясь, что зря трачу время – классовая ненависть так и перла из глаз приятеля.

– Что слышно о наших? – решил я сменить тему и тут же пожалел об этом. Потому что услышал малоприятные вещи: кто-то спился, так и не сняв ни одного кадра, кто-то уехал из страны, кто-то перебивается в бюро ритуальных услуг, снимая похороны и свадьбы... Многие с головой ушли в политику. Оказалось, что после моего добровольного решения пойти в армию я прослыл на курсе настоящим героем, обо мне говорили, были уверены, что я погиб...

– Кстати, – как можно непринужденнее сказал я, –

а как поживает наша кураторша? Не помню, как ее звали – кажется, Елизавета Тенецкая?..

– Она давно уже не Тенецкая, – ухмыльнулся Макс, – разве ты не знаешь? Она... – Макс назвал известную фамилию лидера одной из партий.

– Вот как... – произнес я.

– Да-да. Он ведь тогда, оказывается, сидел. А теперь – шишка!

Видя, что я ничего не знаю об этой стороне жизни, Макс пустился в длинный политический экскурс.

– Да у тебя, кажется, была история с его женой, – вдруг хлопнул себя по колену Макс. – Ну, да! Помнишь? Вы еще потерялись во время экскурсии. Неужели забыл?

– Что-то припоминаю, – сказал я, – но смутно... Значит, она теперь домохозяйка?

– Ну, ты темный! – возмутился приятель. – Да она же сейчас известная личность. Особенно много о ней говорили года три-четыре назад, когда ты в своей Хацапетовке коров доил. Она ездила в Литву, когда там осадили телецентр. К Белому дому в Москву тоже ездила. Классные, кстати, фильмы там сняла. Талант не пропьешь!

– А что, она пила? – не понял я.

– Да нет, это выражение есть такое, темный ты человек! Дождалась бабенка своего звездного часа. А бабенка, скажу тебе, была что надо... Но никто за ней и ухлестнуть не успел: как только тебя в армию забрали, ее и турнули с кафедры.

Наши девчонки говорили, что работала она где придется... Чуть ли не подъезды мыла. Вот такие дела.

Мне стало грустно. Я отвернулся от Макса и оглядел зал. Здесь в основном сидели постояльцы гостиницы – иностранцы из диаспоры, начинающие «дельцы» (тогда их еще можно было отличить по ярким пиджакам и толстым золотым цепям на бычьих шеях) с девицами, которые всегда дежурили в холле. Иностранцы веселились, обнажая безукоризненные фарфоровые зубы, «дельцы» ржали, тыча китайскими палочками в рисово-рыбные рулетики, девицы хохотали. Я подумал, что ненавижу все это, что для любви во мне осталось слишком мало места...

– Хорошо тебе, – донесся до меня голос Макса, – можешь ходить по таким шикарным местам...

Я кивнул. Пытался представить себе Елизавету Тенецкую – сейчас. Наверное, солидная дама, известный режиссер, сценарист... Значит, рано или поздно наши дорожки могут пересечься. Но, увы, мне нечего будет ей предложить. Да и вряд ли я осмелюсь подойти к ней.

...Я вернулся домой за полночь. Долго не мог заснуть. Оказалось, воспоминания не оставили меня. Я помнил все то, что некоторые счастливики просто вычеркивают из своей жизни. Моя же память не была подобна губке, которую можно отжать и накапливать новые впечатления. Я помнил все. Каждое воспоминание имело свою кнопку: нажмешь – и пошло-поехало! Мысленно я нажал кнопку с над-

писью – «Август. 1977-й. Лес».

...Перед глазами возник красный огонек сигареты, мигающий в ночи, как око дьявола. Даже почувствовал во рту привкус дешевого портвейна! И – сладкую дрожь от звука хрипловатого голоса. Потом увидел бассейн с синим облупившимся кафелем, смуглое плечо, волну волос...

Дальше: запах сена, дождь... Стоп, хватит! Я вскочил с кровати и пошел на кухню, закурил в темноте. Глядя в окно, увидел, как в темной воде стекла вспыхивает мой красный огонек, и включил свет...

Вот, оказывается, в чем было дело! Она кого-то ждала. Дождалась. Времена переменялись, и она – на коне. А мое ожидание было напрасным, смешным, безнадежным: «Мудрец, я не люблю тебя!»...

Но почему моя жизнь пошла наперекосяк в том августе? Я тихо и спокойно парил над лесами, полями и пустынями и мог бы приземлиться там, где меня действительно ждали, но я неожиданно самопроизвольно катапультировался в неизвестной местности, в другую жизнь и побрел по ней, увязая то в крови, то в болоте, то в купонах, то в купюрах. А ведь я был мальчишкой из образцовой семьи! Таким обычно не о чем жалеть, у них все идет по плану до самой старости...

2

Нас было пятеро. В команду я подобрал (почти в букваль-

ном смысле этого слова – на улице) талантливого оператора, которого знал еще по институту, звукорежиссером была моя студентка-старшекурсница (дородная, в больших очках, но на удивление милая и серьезная девушка, целиком отдавшая себя работе) и – два водителя. Я же исполнял обязанности и режиссера, и сценариста, и редактора, а кроме того, еще и духовного наставника. Работали мы, как негры на плантации, зарабатывали хорошо, а наши ролики имели успех и побеждали на разных конкурсах. Я пытался помочь всем старым приятелям, которых встречал на своем пути. И меня приняли. Я это чувствовал. Однако все же старался держаться особняком, поменьше тусоваться в обществе коллег. Разговоры меня утомляли, мешали продуцировать идеи. Обедал в «Национале», ужинал там же или дома тем, что готовила моя домработница, – она приходила два раза в неделю. Однажды, поддавшись на уговоры оператора, решил пообедать в Доме кино. Это произошло 4 ноября. Погода и настроение были отвратительными: на улице плотной студеной массой висел густой туман и такой же вязкий смогсплин забивал легкие изнутри – наверное, я простудился.

Я давно не был в Доме кино. Наверное, лет пятнадцать, а то и больше. Его убогий интерьер и меню в ресторане сразу же навеяли на меня еще бóльшую тоску. Полумрак подчеркивал нищету и запустение, а безыскусные восковые свечи на столах скорее говорили о нехватке электроэнергии, нежели создавали романтическую атмосферу. Но,

как ни странно, жизнь здесь кипела. За каждым столиком сидели люди, оживленно беседовали, выпивали и вообще чувствовали себя непринужденно, и мое настроение потихоньку улучшилось. И вот здесь, именно в тот день – хмурый и тоскливый – я увидел Лизу...

Это было, как... Даже не знаю, с чем сравнить то мгновение! Так бывает в триллере, когда в кадре практически ничего не происходит – показывают интерьер комнаты, камера медленно скользит по картине, висящей на стене, по узорам на обоях, спускается ниже, ниже... И зритель уже понимает, что на полу, посреди всей этой роскоши, сейчас обнаружится труп, лежащий в море крови. Потому что замедленность кадров – невыносимая, музыка – жуткая... Не знаю, почему мне пришло в голову именно это сравнение. Итак, сначала я заметил сережку-капельку, блеснувшую в мочке уха женщины, которая сидела неподалеку от моего столика. Этот нестерпимо резкий мгновенный лучик сам прыгнул мне в глаза. Странно... Она и тогда началась для меня с красного огонька. То есть вначале был отблеск, ослепивший меня.

Женщина сидела вполоборота ко мне, на ней было элегантное темное платье, туфли на высоких каблуках, волосы собраны и стянуты на затылке, длинная шея. Почему я сразу же понял, что это – она? Вот вопрос, на который я не могу найти ответа. Не буду врать, будто я сохранил спокойствие. Да, мне хотелось оставаться спокойным. Но от меня это не зависело. Не зря я вспомнил триллер – меня охватил

настоящий ужас. Оттого, что наконец сбылась моя мечта – встретить ее, но еще больше – оттого, что все, что я считал прошедшим, пережитым и по-юношески глупым, оказалось таким же мучительным, как будто к груди приложили раскаленный кусок железа. Мог ли я подойти, непринужденно поздороваться? Оказалось, что это невозможно: сердце колотилось, ноги ослабли, я просто прирос к стулу. Две рюмки водки не спасли положения.

Раньше я думал, что она должна очень измениться – растолстеть или усохнуть, – и тогда бы я смотрел на нее с сожалением. Но даже в полумраке было видно, что эта женщина – прекрасна, элегантна и так же недоступна. Может быть, черты ее лица заострились, а паутинка легких морщинок легла на лицо – не знаю. Я видел другое. То есть, как и тогда, много лет назад, не мог адекватно воспринимать ее внешность. Вокруг нее все так же существовала некая аура, которая ослепляла меня, как и прежде.

Более того, разглядывая ее издали, я вдруг понял, что во всех женщинах, которые встречались на моем пути, искал подобные черты. Собирал их по крупицам. У одной был хрипловатый голос – и я шел за ним, другая – курила, третья – напоминала Лизу ростом и резковатыми движениями... О Господи, да я же был банальным, как мальчишка, выбирающий невесту, похожую на собственную мать!

Я попытался успокоиться и наконец заметил, что она не одна. Ее спутница сидела лицом ко мне. Они оживленно

беседовали. Чтобы отвлечься, я стал рассматривать ту, другую. Она была моложе, с рыжеватыми волосами и светлыми, почти прозрачными серо-зелеными глазами – такими ясными, что напоминали глаза ангелов с полотен иконописцев. Слишком большой рот царевны-лягушки, тонкий нос, острый подбородок. В общем, все не очень пропорциональное, но довольно милое.

«Царевна-лягушка» была в обычных синих джинсах и темном свитере. Единственная деталь, привлекавшая внимание, – браслеты на запястье, они мелодично позвякивали при малейшем движении, словно китайские подвески на ветру. В ауре Лизы девушка показалась мне такой же прекрасной, почти красавицей. Впрочем, меня это не волновало.

К их столу подошел официант, Лиза положила в кожаный переплет купюру, и обе встали. Прошли мимо меня.

Я выждал несколько секунд, поднялся и пошел за ними.

Возле гардероба спрятался, переждал, пока они оденутся...

Вышел вслед за ними. На улице Лиза села в машину, махнула рукой спутнице и... все. Я остался стоять на обочине, смотрел, как черный «опель» завернул за угол...

А потом пошел за «царевной-лягушкой». Не знаю почему... Тогда я об этом не думал. «Царевна-лягушка» показалась мне единственной ниточкой, способной привести к клубку неосуществленных надежд.

У девушки была странная походка – слишком стремитель-

ная, и это придавало ей шарм. Сумочка на длинной цепочке раскачивалась, как маятник. Постепенно и я втянулся в этот ритм и уже не следил, куда мы идем, – просто шел за ней, стараясь попасть в такт ее шагов.

3

...Она шла.

Я шагал за ней.

Я догонял ее, но она не убегала.

Она просто еще не знала о моем существовании. Если бы знала, села бы в первую попавшуюся маршрутку и уехала.

И я бы никогда не догнал ее...

Но мы шли – затылок в затылок, и меня уже охватил охотничий азарт. Что я делал в подобных случаях лет десять назад? Я порывлся в карманах, нашел там связку ключей от квартиры и офиса и... швырнул ей под ноги. Она вздрогнула от неожиданности, растерянно посмотрела вниз. Я успел нагнуться раньше:

– Девушка, это вы выронили ключи? – И протянул ей связку.

– Спасибо. Извините. – Она быстрым движением схватила ключи с моей ладони, они мгновенно исчезли в кармане ее куртки. Быстрый взгляд строгих зеленоватых глаз... Разворот на сто восемьдесят. И вновь перед моими глазами запрыгали ее рыжие кудряшки. Вот это да! Что же дальше?

Я растерянно смотрел ей вслед. У перекрестка ее походка замедлилась, а еще через пару шагов она остановилась. Открыла сумочку, встряхнула ее. Похлопала себя по карману, достала ключи...

Девушка стояла ко мне спиной, но я понимал, что она внимательно рассматривает связку. Затем она стала озабоченно оглядываться по сторонам. Увидела меня, начала медленно приближаться.

В ее глазах отображались самые разнообразные эмоции. Когда она поравнялась со мной, ее лицо наконец-то приобрело верное выражение: оно улыбалось.

– Это вы нарочно? – спросила девушка и протянула мне ключи.

– Да, – не стал отрицать я.

– И что это означает?

Я пожал плечами. «Царевна-лягушка» улыбалась, в ее глазах прыгали солнечные зайчики, хотя на улице было пасмурно. Но я мог бы дать голову на отсечение, что зеленоватая радужная оболочка ее глаз поблескивала, как стеклышко в лесном ручье.

– Я хочу пригласить вас на чашку кофе.

– Я только что пообедала, – просто сказала она. – И кофе пила...

– Что же мне делать? – Я изобразил отчаяние.

– Я не знаю. А что вы обычно делаете в таких случаях?

– То есть?..

– Ну вы же – большой выдумщик. Должен же быть еще какой-то вариант!

– Конечно! – спохватился я. – Еще есть чай, мороженое, кино, цирк, боулинг, бильярд...

– Я выбираю бильярд! – воскликнула она.

– Отлично. – Я взял ее за руку, а свободной проголосовал проезжающему мимо такси.

Едва мы уселись на заднее сиденье, как дождь забарабанил в лобовое стекло. Она засмеялась и пожала мою руку:

– Да вы меня просто спасли!

Она была откровенна и непосредственна, как веселый щенок.

Я видел ее насквозь. Она была цельная и настоящая, будто... яблоко, переполненное жизненными соками и круглой детской радостью. А еще я подумал, что Лиза навсегда останется для меня сотканной из молекул-знаков и никогда не станет чем-то более весомым, чем капля воды, отблеск огня или запах листвы...

Я повез свою новую знакомую в клуб, где кроме обычного ресторана был зал с бильярдными столами. Я наблюдал, как азартно она играет, как неуменно прыгает вокруг стола, как смешно высовывает кончик языка, когда целится в шар. Через пару часов даже я устал, а она все не унималась, пока не научилась забивать шары в лузу. Тогда я предложил ей поужинать. Я знал, что в этом ресторане готовят потрясающий стейк по-ирландски, и заказал две порции с овощами.

Все было так, будто мы знакомы очень давно. Это немного беспокоило меня, но она держалась совершенно естественно – не кокетничала, вела себя ровно, по-дружески. А когда принесли стейк, активно принялась за дело. Мне было приятно смотреть, как она ест – с аппетитом, с выражением неподдельного блаженства на лице. Мы пили вино. И я вдруг отметил, что мы очень мало говорили друг с другом, удивился тому, что это совсем не мешает нам. А еще – мы так и не познакомились, не назвали своих имен, будто это не имело никакого значения! И мне это тоже нравилось, казалось необычным. В конце концов, какая разница? Прекрасный вечер, мягкий свет, зеленый бархат скатертей, чудесная безымянная девушка напротив... Необременительное общение без обсуждения дальнейших действий. Я узнал, что она учится «на художника», хорошо рисует, любит шоколад. Она все больше нравилась мне. Вопрос о ее спутнице я отложил на потом, сейчас это было бы не к месту.

В конце вечера я уже понимал, что мне не стоит использовать эту девушку, нужно идти к Тенецкой другим путем.

Когда я довел ее до подъезда, произошло самое удивительное. Она сама потянулась ко мне и поцеловала в щеку...

– Спасибо. Мне было очень хорошо. Когда у меня под ногами зазвенели твои ключи, я подумала – ты только не смейся! – что это звон небесный... – Она немного помолчала, а потом решительно произнесла совершенно неожиданное: – Если бы ты на мне женился, я бы почувствовала себя самой

счастливой на свете!

Странно, но эти простые слова навели меня на мысль – а почему бы и нет?.. Чего еще я жду от жизни? Для чего работаю, сочиняю всю эту телемуть? Кому я нужен? И, в конце концов, если этому всему когда-нибудь суждено закончиться, весело ли мне будет смотреть на одинокие стены своего дома? И еще: ни одна из женщин не говорила со мной вот так – все ждали инициативы от меня, капризничали, кокетничали, требовали, иногда – угрожали. Тоска...

– Ты не подумай, что я ретинка, – продолжала она, – я просто ЗНАЮ, что так должно быть. А откуда знаю – не знаю... – Она улыбнулась. – Со мной такое бывает. Вот, к примеру, я знаю, что у тебя в карманах две зажигалки и... – она задумалась, внимательно глядя мне в глаза, – и носовой платок – вчерашний, с табачными крошками...

Я, словно зачарованный, порылся в карманах. Одна фирменная зажигалка была в джинсах, это я знал наверняка. Из внутреннего же кармана пиджака извлек еще одну – старую-престарую, поломанную. О платке нечего было и говорить. Все было так, как она сказала.

– Вот видишь! – обрадовалась она.

– Деваться некуда, – засмеялся я. – Как порядочный человек, должен жениться!

– А ты – порядочный человек?

Загнала меня в глухой угол. Я задумался:

– Честно говоря, не знаю...

Она была странной. Я даже испугался за ее будущее: неужели она была такой прямой и простой со всеми?

– Значит, порядочный... – Она поковыряла носком кроссовки, как это делают дети. – Ну все, спасибо. Я пойду...

Но я уже не мог отпустить ее просто так! Интерес к ней затмил мой разум:

– Нет, стоп! У тебя еще есть время?

– Конечно!!!

– Тогда – поехали!

Я снова схватил ее за руку, мы выскочили на шоссе и поймали машину. Она ни о чем не спрашивала.

Что было потом, вспоминаю как сон. Мы поехали к одному художнику, моему давнему приятелю. На крыше его мастерской пили шампанское, водку и сидро «Буратино». Потом все вместе отправились еще в одну мастерскую и попали (мне это не казалось удивительным) на грандиозное застолье с шашлыками, которые жарили прямо во дворе посреди города. Моя чудесная «царевна-лягушка» произвела неизгладимое впечатление на старых акул пера и кисти.

– Тебе, старик, всегда достается все лучшее, – без конца твердил хозяин мастерской, бросая взгляды в сторону моей прекрасной незнакомки. – Посмотри, у нее лицо, как у Богородицы. А кожа! Ты посмотри на виски – китайский фарфор. Аж светится!

Я тоже пристально рассматривал «лягушку» и видел ее слишком большие глаза на слишком бледном лице и чув-

ственный рот, который все время смеялся, ведь ей угождали все по очереди. Это действительно выглядело смешно. Я сидел в уголке и наблюдал за всем этим. Я не находил в ней ничего, кроме привлекательной естественности.

Мы пели, пили, а под утро стреляли во влажное небо из духового ружья, пока соседи не вызвали милицию. Пришлось потрясти своим удостоверением и быстренько раствориться в молочно-розовом рассвете.

– Ты не устала? – спросил я ее по дороге домой.

– Конечно, нет! – Она была возбуждена и свежа, как и днем, когда я впервые увидел ее.

– И тебе понравилось все это безобразие?

– Очень!

Я пожал ее руку:

– Тогда я действительно должен жениться...

Мы вышли из машины у ее дома.

– Когда? – серьезно спросила она.

– Хоть завтра! Готовься – пойдем подавать заявление! – выпалил я.

– Тогда – до завтра?

– До завтра!

Она уже была на пороге подъезда, когда до меня дошло, что я так и не знаю ее имени – представлял всем как «Царевну» (мысленно добавляя – «лягушка»)...

– Как тебя зовут, невеста? – крикнул ей вслед.

Она обернулась.

– Лика.

– Анжелика? – уточнил я, едва не добавив – «маркиза ангелов».

– Ни в коем случае! Просто – Лика. И никак иначе!

Елизавета Тенецкая

1

...В последнее время ей все чаще приходила на ум песня Высоцкого: «Нет, ребята, все не так!» Почему «не так», когда вот оно, счастье – признание, исполнение желаний, дом, семья? Она дождалась. Вот едет в серебристо-сером «опеле» в трехкомнатную квартиру в центре города... А когда входит в какой-нибудь зал, всегда слышит шепот за своей спиной – восторженный или завистливый, не имеет значения. Почему же все чаще преследует этот запах плесени? Он исходит от флакончиков с дорогими духами, от авторских полотен, висящих в квартире на стене, от подарков, присылаемых отовсюду... От себя самой. Она уже не знает, нужна ли кому-то на самом деле, или все дружеские связи основаны на взаимовыгодных условиях: «ты – мне, я – тебе». Она не знает, действительно ли не утратила своих способностей или же признание ее таланта – дань высокой должности ее мужа. Когда-то она решила проверить это, тайком

уехала в Литву, скрытой камерой отсняла уникальные кадры штурма телецентра, взяла кучу интервью. Но делала это не ради славы. Там, в Вильнюсе, у костров, она снова была по-настоящему счастлива. Потому что здесь, дома, было что-то «не так». Она боялась себе признаться, что обманулась, что ее ожидания оказались напрасными. Еще страшнее было думать о том, что муж – не герой, а просто почти случайно попал «под горячую руку» властей...

Когда он вернется, думала она, и будет лежать один, всеми покинутый, покрытый коростой, посреди ледяной пустыни – она подойдет и ляжет рядом, отдавая ему все свое тепло. Она готова была замерзнуть рядом – молча и преданно, как собака. Но этого не понадобилось. Он вернулся, удивленным и вместе с тем равнодушным взглядом смерил дочку, свозил Лизу к своим родственникам, быстро, по-деловому «оформил отношения» и окунулся в политику. И, как подзревала Лиза, только потому, что другого пути у него не было – так же, как не было его и у комсомольских работников, которые ринулись в бизнес.

Года три-четыре он приходил домой под утро, чаще всего от него пахло алкоголем. Вначале – дешевым, потом дорогим. Он учился профессионально произносить речи. Его статьи, фотографии, биографические справки все чаще появлялись на страницах прессы. И Лиза замечала, что это доставляет ему удовольствие. Если на протяжении двух-трех недель о нем не было ни слова на телевидении или в газе-

тах, он тускнел, как медная копейка в воде. И придумывал способы напомнить о своем существовании. Лизу удивляло и то, что он не пошел в оппозицию, а, как писали в прессе, «отличался толерантностью», которая Лизе больше напоминала приспособленчество. В юности она заслушивалась его «кухонными» речами, была уверена, что он – пассионарий, а теперь ее раздражали его репетиции перед зеркалом, походы к имиджмейкеру, охранники. Но ужаснее всего было то, что и она пользовалась всеми благами, неожиданно свалившимися с неба. Хотя теперь, когда муж мог спонсировать ее проекты, они стали ей неинтересны...

Все, что вначале вызывало восторженность и эйфорию, теперь угнетало ее. Постепенно смолкали самые честные голоса, а СИСТЕМА продолжала существовать. Она напоминала Лизе песочные часы: перевернешь – и снова сыплется, только в другую сторону... И Лиза решила плыть по течению. Теперь она хотела лишь одного – обеспечить нормальное существование своему ребенку.

Лица росла немного странной – слишком молчаливой, слишком погруженной в себя. В семь лет она нарисовала и повесила в своей комнате плакат: рисунок и подпись, сделанная смешным детским почерком: «Люди – вы свободны!», и довольный отец часто заводил в детскую своих соратников, пока девочка не сорвала плакат со стены. Она могла рисовать часами, и Лиза отдала ее в художественную школу, затем – в институт, где она сразу же стала «белой вороной»...

Слава Богу, на наркотики не подседа и по дискотекам не шаталась. Но чего от нее ждать в будущем, Лиза не знала.

2

Новость огорошила: Лика выходит замуж. Лиза была уверена, что женихов у дочери нет, и вдруг такая неожиданность! Причем, как выяснилось, она даже не знает фамилии будущего мужа – только имя и место работы. Лизе пришлось срочно сесть за телефон. Вздохнула с облегчением только тогда, когда от знакомых узнала, что Денис Владимирович Северин – человек обеспеченный, достойный, перспективный, к тому же – коллега, закончил тот же институт, что и она сама, а сейчас успешно работает в рекламном бизнесе. Значит, не охотник за деньгами или авторитетом отца невесты.

– Ты хоть понимаешь, что так не делается? – спросила Лиза.

– Ты все увидишь сама, – прошептала Лика, – ты не сможешь не понять... Я знала, что ОН будет именно таким!

– Когда же мы его увидим?

– Не знаю. Сама об этом думаю. Но мне кажется, он не захочет сразу же идти на смотрины. Он серьезный и взрослый. Я бы вообще просто ушла к нему, да и все...

– Так мы тебе надоели?

– Нет, но я не хочу никакой свадьбы. Мне это не нужно. Я даже не думала, что так может быть: раз – и все круто ме-

няется! Мне не важно, где мы будем жить. Я готова уехать за ним куда угодно – в любую глушь.

– Я уверена, что в глушь он тебя не повезет, – улыбнулась Лиза. – Но показать его папе ты все же должна.

– Он папе не понравится...

– Почему ты так думаешь?

– А он совсем другой. Он – «барабанщик».

– То есть? Он что, играет в ансамбле?

– Нет, «барабанщик» – это тот, кому все по барабану...

Он сам сказал.

– Сомневаюсь. Мне говорили, что он человек деловой...

– Ненавижу это слово! Понимаешь, можно работать и даже чего-то достичь, но при этом оставаться «барабанщиком»... Это – высший пилотаж.

– Нет, не понимаю. Значит, и ты ему – «по барабану»?

– Может быть, – совершенно спокойно согласилась Лика. – Но это только – пока. Я знаю, он будет меня любить. Долго-долго. Вот увидишь...

– Дай Бог!.. Посмотрим...

Знакомство состоялось вечером следующего дня. Утром было подано заявление в загс, а после занятий Лика позвонила и сообщила, что ведет «жениха» домой...

3

Муж задерживался, как всегда. Лиза звонила ему на мо-

бильный телефон и всякий раз слышала одно и то же: «Я буду через десять минут».

Встречать гостя пришлось одной. Он вошел вслед за Ликой, и Елизавета окинула его строгим взглядом. Ее волновало несколько важных вопросов: не наркоман ли, не «голубой» (этого добра на телевидении хватало), не бабник ли?

Но с первого же взгляда было понятно: ничего подобного, такой действительно мог понравиться. Гость был высоким, подтянутым, с довольно красивым лицом, со светлыми волосами, собранными на затылке в аккуратный «хвост», и с модной трехдневной щетиной на подбородке. Джинсы, свитер... У него был вид моряка, недавно сошедшего на берег. Взгляд у него был диковатый и слегка мрачный.

Лизу слегка передернуло от внезапной мысли, что этот чужой человек будет прикасаться к ее ребенку.

– Это Денис, – сказала дочь, помогая гостю повесить куртку.

Лиза официально улыбнулась и протянула руку, на ее пальце в полумраке прихожей, как вспышка фотоаппарата, сверкнул бриллиант. Он неловко склонился над протянутой к нему рукой. Его движения были неуверенными.

В гостиной Лиза накрыла стол. Правда, по настоянию Лики, все было просто: бутылка французского коньяка из отцовских запасов, печенье, виноград. Разговор не клеился. Раньше Лизу это огорчило бы, но только не теперь. Она не хотела походить на мамашу-квочку, которая распра-

шивает зятя о его доходах, прошлой жизни и наличии квартиры. Лиза включила бра – в уютном полумраке она чувствовала себя увереннее – и пока гость разливал коньяк, придвинула к себе большую хрустальную пепельницу, закурила и откинулась на высокую спинку кресла.

– Ну вот, – улыбнулась Лика. – Теперь – берегись! Когда к нам приходят гости и мама вот так садится – это значит, что «рентген заработал»... Мама у меня – колдунья!

– Ну что ты такое несешь! Давайте выпьем за знакомство! – Лиза взяла протянутую гостем рюмку.

Они посидели совсем недолго. Потом Лика проводила гостя до лифта.

4

– Ты думаешь, что это самая большая глупость в твоей жизни? – спросила Лика, когда они уже стояли на лестничной площадке.

В ответ он притянул ее к себе и поцеловал в нос – как ребенка.

– Что-то не так? – продолжала допытываться она. – Ты передумал?

– Нет, – ответил он после паузы, – нет...

– Ты испугался мамы? Не волнуйся, она всегда такая, ее многие побаиваются, особенно папочкины гости. Но ты ей понравился. Я это сразу поняла.

Он растерянно пожал плечами и нажал на кнопку вызова.

Когда он уже вошел в кабину лифта и двери мягко закрылись, Лика прижалась к ним лицом:

– Ты будешь любить меня долго... – прошептала она в замкнутое гудящее пространство, – я знаю...

Денис

1

В то утро я хотел надеть костюм, но вспомнил, что вчера вылил на брюки кофе, другой же костюм – слишком официальный. Поэтому влез в джинсы и свитер. О том, что я собираюсь сделать, старался не думать. Даже родителям не сообщил о своем «судьбоносном» решении, хотя знаю, мама обрадовалась бы.

Ничего, потом скажу. Ведь неизвестно, шутила ли моя «царевна-лягушка», или мы оба просто сошли с ума. Будь как будет. Может быть, это знак судьбы: благодаря Лизе ко мне пришла странная милая девушка, которая неожиданно решила стать моей женой. Бедняжка, она еще не знает, какой я эгоист и циник. Но с ее появлением все должно измениться – уйдут в прошлое и эти томительные видения, и мое тупое зарабатывание денег, и приступы хандры, и легкость в отношениях с женщинами.

Я не пошел на работу, ждал Лику в кафе, пил кофе и машинально листал газеты. Потом пришла она. Издали я даже не узнал ее – она была в коротком пушистом полушубке, с новой прической. В руках – букет розовых роз. Мне стало неловко, что сам, болван, не додумался купить хотя бы один цветок! Мы поехали в загс (бр-р-р), а потом – к ней. Я жутко стеснялся. Я так ей об этом и сказал. Не люблю никаких официозов, уж лучше бы мы обошлись без всего этого. Мне было все равно, кто ее родители, как они отреагируют на внезапное замужество дочери. Меня это не касалось. Она согласилась и готова была сразу же ехать ко мне, но я посмотрел на ее нежный профиль и широко распахнутые зеленоватые глаза и решил, что должен пройти эту неприятную процедуру до конца. Потому что, как подсказывала интуиция, девочка была из состоятельной семьи, а в состоятельных семьях все решается за обеденным столом...

...А потом я уже не мог не то что рассказывать о своих достижениях и перспективах – о чем, собственно, и собирался поболтать с ее предками, – я не мог дышать. Я моментально словно покрылся изнутри деревянной коростой, и каждая колючка впилась в легкие. Это был... ужас, бред, гримаса судьбы, удар обухом, чертовщина, абсурд, маразм, лажа, конец всему, смерть: из полумрака прихожей навстречу мне вышла Лиза.

Только было я собрался решительно уйти от своих навязчивых воспоминаний, а оказалось – шагнул им навстречу!

Да еще как! Стоит ли говорить о том, что я вновь был ослеплен и оглушен? Увидел, как передо мной блеснул перстень, склонился над узкой белой рукой и неловко попал губами в холодный камешек. Это совсем выбило меня из колеи. Я опять превратился в восемнадцатилетнего дебила, дрожащего от желания, нетерпения и безысходности. Я не помню, как отбыл эти «смотрины», все мои усилия сводились к тому, чтобы унять дрожь, говорить ровным голосом и... чтобы она меня не узнала. В какой-то момент этой жуткой помолвки я отчетливо понял, что никакой свадьбы не будет, что мне нужно немедленно встать и уйти. Я почти что был готов к этому. Но что-то удержало меня.

Посидели мы недолго. Сославшись на срочную деловую встречу, я быстро ретировался. Мне нужно было обдумать, как сделать так, чтобы не обидеть Лику. Она вышла со мной к лифту. Удивительное дело: когда мы оказались наедине, ко мне вновь будто вернулось зрение. Лика стояла передо мной как олицетворение праздника – глаза ее лучились. Что я должен был сказать? – «Спасибо, малышка, розыгрыш удался?»... Но, глядя на нее, я понимал, что она просто погибнет. Не знаю, почему у меня возникла такая уверенность. Она погибнет. Или... или ее постигнет та же участь, что и меня. А уж я-то хорошо знал, что это такое. Я поцеловал ее, мечтая о том, чтобы скорее пришел лифт.

Конечно, ни на какую встречу я не пошел. Зашел в «Суок» – маленький ресторанчик, который вызывал у меня трепетные детские воспоминания. Он был оформлен под цирковую кибитку, стены украшали рисунки из первого иллюстрированного издания «Трех толстяков» – гимнаст Тибул, доктор Гаспар Арнери с ретортой в руках, смешной учитель танцев Расдватрис с нежно-розовой фарфоровой куклой под мышкой. И, конечно же, девочка со странным именем Суок, балансирующая на шаре. Я сел, заказал себе водки и уставился на голубовато-серый рисунок. После третьей рюмки (я не закусывал), девочка на шаре показалась мне объемной, а выражение лица – живым. У нее были рыжие локоны и зеленые глаза, она смеялась. После пятой рюмки я понял, кого она мне напоминает. Лику...

Я вдруг подумал, что в любом случае любил бы ее! Она мне выпала, как карта – тогда и теперь. Я уже любил ее, когда узнал, что у Лизы есть ребенок. Конечно! От этого никуда, видно, не деться. Значит, так тому и быть! Я буду ее любить и беречь. И уж если Лиза присутствовала в моей жизни до сих пор как фантом – теперь я приблизился к ней в реальности. А это совсем не то что фантазировать. Возможно, это поможет мне победить прошлое, успокоиться. Кроме того, я понял, что она меня не узнала...

А потом я думал только о Лизе. Она мало изменилась. Более того, она относилась к тем женщинам, которым возраст лишь прибавляет шарма. Да, ее черты заострились, и из-за этого еще ярче проступила на лице сущность природы – яркой, неповторимой, достаточно жесткой и бесконечно притягательной. Такое лицо могло быть у Медеи, у Медузы Горгоны, у Суламифи. Ей подходила каждая строчка «Песни песней», я силился вспомнить, что там было о «меде и молоке под языком», и меня охватывала все та же дрожь. Да, она не узнала меня. Я был всего лишь эпизодом в ее жизни. Обидно, что для меня все было иначе.

...Суок сошла со стены и уселась напротив, она двоилась в моих глазах, и от этого ее губы казались размытыми, а глаза – раскосыми и лукавыми.

– Скучаем или грустим? – спросила Суок.

– Пьем, – ответил я, подвигая к ней вторую рюмку и наполняя ее до краев.

Суок выпила почти залпом и откинулась на стуле, выставив напоказ ноги в черных сетчатых чулках. Я протянул ей сигареты и щелкнул зажигалкой.

– Будем дружить? – спросила Суок. – Ты с деньгами?

Я похлопал себя по карману.

– Отлично! – обрадовалась Суок. – Я тебе нравлюсь?

– Не знаю... Какая разница?..

– И правда, никакой! – еще больше обрадовалась Суок. –

А вот ты мне нравишься. Сразу видно – приличный человек.

Только больше не пей, а то ничего не получится.

– Да и так ничего не получается, – отмахнулся я.

– Ты что, импотент? – всплеснула руками Суок.

– Это еще почему? – не понял я.

– А-а... Тогда все в порядке! У кого сейчас получается?

Фигня одна! Вот ты, такой классный мужик, а сидишь один-одинешенек, грустишь, водку глушишь... Тоска! А чего тебе не хватает?

Да, мне всего хватало. У меня была интересная работа, хорошая квартира, здоровые родители, студенты, которые меня обожали, женщины, готовые прийти по первому моему зову, необременительное одиночество, насыщенное прошлое. Теперь жизнь могла стать более разнообразной – у меня появятся жена, дети, и я, скорее всего, заведу рыбок и собаку. Я посмотрел на Суок.

– У меня все есть. И все это вроде бы – не мое...

– Не поняла! – Суок придвинулась ближе, положила локти на стол и уставилась на меня своими раздвоенными глазами.

– Ну... Так бывает: жизнь дала сбой в самом начале. Это как в компьютере – нажал не на ту клавишу, и все свернулось, пошли непонятные значки...

– Кажется, я тебя понимаю, – задумалась Суок, – у меня тоже так было. Я это называю «если бы не...»

– То есть?

– Господи! Ну, вот тебе пример: если бы меня не трахнули в восьмом классе, я бы сейчас... скажем, сидела в твоём

офисе и пудрила бы мозги бизнесменам. Есть у тебя такая должность?..

– Ну, примерно...

– Вот видишь! А сколько таких «если бы» есть у каждого из нас! Так что ж теперь – помирать?!

Она была права. Ее размытые губы изрекали истину, она казалась мне доброй феей, сошедшей со своего облупленного шара. Из ресторанчика мы вышли вместе. Я не хотел вести ее к себе, снял номер в гостинице. Среди ночи, когда она спала, я потихоньку ушел, оставив на постели деньги. Это была не Суок.

Я понимал, что судьба подбросила мне еще одно «если бы», но оно, скорее всего, больше имело отношение к Лике, чем ко мне: если бы позавчера я не побрел за ней...

Ли́ка

Первый монолог Лики

– Свадьба и похороны – вот два спектакля, в которых главные «виновники событий» не играют никакой роли! Это – коллективный труд, ритуал, во время которого нет возможности подумать об истинном назначении обряда. Какое дело возбужденной толпе до парочки, сидящей за столом на почетном месте и периодически подскакивающей по сигналу: «Горько!»? Это всего лишь сигнал выпить... Как хорошо, что мы избежали этого.

– Похороны? Представь себе, как это тяжело, когда на тебя смотрят, будто на куклу... А ты не можешь пошелохнуться и выразить протест против этого созерцания. Разве в этот момент приходит осознание утраты? Похороны – это тоже коллективный труд, когда накрывают столы, сообща чистят картошку – ведрами(!) и лепят пирожки. Кто все это придумал? Смерть и любовь – два таинства, в которых нет места посторонним!

– ...!

– Конечно, любимый! А ты думал, что я – маленькая девочка, которая не читала ничего посерьезнее сказок Шарля Перро? Ты даже не представляешь себе, какие миры вращаются в моей голове. Иногда мне даже страшно становится. Поэтому я так счастлива, что ты – со мной, что я нашла тебя и ты меня спасешь...

– ...?

– От всего, от страшного... Знаешь, есть люди, над которыми – неизвестно почему и за какие заслуги – в какой-то момент открывается небо. Не понимаешь? Попробую объяснить – я об этом еще ни с кем не говорила. Тебя ждала. Так вот, однажды – тогда мне было два года – я сидела на полу в нашей маленькой комнате (мы жили в коммуналке) и пыталась что-то нарисовать. Свет падал так, что все казалось мне слишком ярким, как на картинах импрессионистов (конечно, тогда я не знала об их существовании!): красный дощатый пол (тогда он был свежеекрашенным и блестел на солн-

це, как лед), оранжевые цветы на шторах, светлые стены (мама всегда любила чистые цвета). В широком прямом луче предзакатного солнца плясали золотые балерины... Я пыталась нарисовать все это, как вдруг в комнате потемнело, я оглянулась... В дверном проеме стояла мама и смотрела на меня. Я не могла как следует разглядеть ее, потому что она стояла против света – видела только серебристый контур удлинённого тела... Что с тобой, любимый? Конечно же, кури!.. Так вот. Это была бытовая картинка. Но именно тогда я вдруг будто услышала музыку. Не смейся! Так бывает в детстве. Передо мной до сих пор стоит эта картина! Именно тогда я почувствовала, как на меня посыпался невидимый пух и окутал теплом... Я до сих пор удивляюсь тому, как ярко и просто может почувствовать ребенок прикосновение Бога. В ту минуту, когда мы смотрели друг на друга, во мне родилось ощущение того, что время – быстротечно. Сейчас я могу облечь это чувство в слова, а тогда мне было тепло и страшно. Я явственно почувствовала, что все вокруг и я сама с каждой минутой превращаемся в... воспоминание. Просто – чье-то воспоминание.

– ...?

– Люди с самого рождения и до того момента, когда начинают осознавать неотвратимость ухода, постепенно превращаются в кокон воспоминаний для других людей. Те, у кого этот кокон большой, – счастливые люди, их не так уж много. Я смотрела на маму и физически ощущала, как она стано-

вится для меня воспоминанием, ведь минуты шли и каждая следующая была не похожа на предыдущие. С возрастом мы выпитываем друг друга все отчаяннее, как жаждущие, ведь мы начинаем понимать, что ни одно мгновение не повторится. Знаешь, с таким же чувством я целовала бабушкины руки... Я всегда целовала ее – просто чмокала в щеку, а однажды взяла ее руки в свои – они были теплые, в голубых жилках, с тонкой пергаментной кожей – и целовала только потому, что вдруг поняла: скоро их не будет! Мне было так страшно. Если бы все могли понимать это – разве бы они обижали друг друга? Разве говорили бы так много, так сложно и так... ненужно? Слова подобно табачному дыму застилают воспоминания...

Второй монолог Лики

– Если бы люди могли видеть – как в кино! – движения души, они могли бы лучше понимать события, происходящие в их собственной жизни!

– ...?

– Сейчас я расскажу тебе один из рассказов Чехова...

– ...!!!

– Ну, не смейся, я не так выразилась. Я его перескажу, будто расскажу заново. Понимаешь? Он такой, как вся эта жизнь. Я читала его давно, уж не помню точно, как он назывался... В общем, так. У доктора умер маленький сын. Доктор безутешен, ему кажется, что вместе с сыном ушла и его

жизнь. Вдруг – звонок в дверь. Приходит человек и умоляет доктора срочно поехать к его тяжелобольной жене, которую он безумно любит. Доктор сначала отказывается – он не в силах двинуться с места. Но в конце концов чувство долга берет верх и он едет в ночь к пациентке. Входят в квартиру. И тут выясняется, что болезнь жены – это только ее выдумка. Жене нужно было отослать из дому мужа-рогоносца, чтобы сбежать с каким-то там военным. Муж в отчаянии. Забыв о докторе, он мечется по комнатам, натываясь на разбросанные вещи, он не может ничего понять, он оскорблен, растоптан, угнетен. Доктор тоже ничего не может понять: у него такое горе, он все бросил, приехал бог знает куда – и вдруг перед ним мечется какой-то человек, взывая к справедливости. Вот тут-то бы им поплакать вместе, пожалить друг другу руку, посочувствовать – ведь им обоим больно! Ан нет! Они затевают ссору, обвиняют в чем-то друг друга. И в каждом из них кричит собственная обида. Мне кажется, что в этом рассказе – модель всех человеческих отношений.

– ...?

– Ну вот, например, эта продавщица, у которой мы сегодня покупали дыню... Помнишь, ты еще рассердился, когда я с ней заговорила. Но разве она виновата, что мы – счастливы, а она – в грязном фартуке?! Для нее было невыносимым наше счастье – и она нас обсчитала. А мне ее стало жаль, потому что каждый вечер дома ее ждет пьяный муж – и ни одного поцелуя!

– ...

– Есть очень простые истины – о них не часто говорят, а если и говорят, то обычно с иронией. Или же они звучат банально. И все же они существуют. Вот попробуй произнести их вслух – и почувствуешь, как на глаза навернутся слезы: нужно любить своих друзей, защищать родину, уважать стариков и не унижать тех, кто слабее тебя, не лгать, ничего не бояться, ничего не просить... Говорить об этом, может быть, и смешно. Но ведь... не смеемся же мы, читая Библию...

Третий монолог Лики

– До встречи с тобой меня угнетала собственная беспомощность. Мне говорили, что я хорошо рисую, и я почти верила в это. Но потом я поняла, если не быть ВЕЛИКИМ художником – лучше не быть им вообще. Можно утешиться тем, что делаешь что-то – «для себя». Но по-моему – это смешно!

Для себя я рисую всегда и везде, где бы ни была. И на какое-то мгновение написанная картина приносит мне облегчение. Разве это не эгоизм? Тем более – сейчас.

– ...

– Нет, я не брошу рисовать. Это невозможно. Я чувствую над собой некую субстанцию, которая хочет выразить себя – через меня. Не знаю только, почему именно через меня... Наверное, это МОЯ субстанция, что-то вроде близкого мне

духа, витающего в ноосфере. Как мучительно чувствовать ее и не иметь возможности чем-то помочь! Это выглядит приблизительно так: нечто сверху обращается ко мне будто через толстый слой ваты – я пытаюсь понять, услышать, но слова теряются, доносятся лишь окончания, неясные звуки, и я не могу трансформировать их в рисунок! А ТАМ ждут именно моего слова, а я – молчу... Ужас. И от этого моего молчания прежде всего страдает преданная мной субстанция. Наверное, для того, чтобы высказаться – нужно быть свободной. Свободной от всего. Но это невозможно...

– ...?

– Свобода – это возможность быть собой, везде и всегда. И когда в тебя верят, независимо от доходов, статуса и одежды. Всего внешнего. Свобода – это брать на себя как можно больше – в десятки раз больше, чем можешь вынести. Будешь задыхаться, гнуться, но в какой-то момент вдруг почувствуешь – груза нет: он «снят», ты свободен: в словах, в быту, в любви... Ты научился понимать больше, чем другие.

Четвертый монолог Лики

– Только человек способен лгать. В природе лжи нет. Разве лгут деревья, птицы, вода? Всегда чувствую ложь, как зверь – всей кожей, всем, что есть внутри меня, – от желудка до души. Можно жить бедно, бездумно, безалаберно, легкомысленно, трудно, но при этом жить честно – необходимо! Иначе – мрак, ночь, смерть... Самое страшное – утра-

тить веру. Ее теряют раз – и навсегда... А потом ищут. И находят оправдание себе. Делают вид, что все в порядке, улыбаются. Но заноза в сердце остается. С ней можно как-то жить.

Но разве это жизнь?

Денис

1

...Я искренне завидую людям, которые смотрят на мир широко раскрытыми глазами. Их все удивляет, все вызывает бурю восторга. У меня уже давно нет доверия к миру. Вымытые специальным шампунем исторические улочки Европы нравились бы мне больше в своем первоначальном виде – с запахом выливаемых из окон нечистот и испарениями продуктов человеческой жизнедеятельности.

Мир вообще стал бутафорским. «Потемкинские деревни» – ничто по сравнению с масштабами этой бутафории. В Египте – этой загадочной стране, которую поглотили волны времени, – предприимчивые «бедуины», отсидев положенное время у своих лавок, к вечеру напяливают лохмотья, повязывают головы «арафатками» и на собственных джипах мчатся в сердце пустыни, чтобы разыграть перед ошеломленными туристами спектакль из жизни своих предков.

В Финляндии седовласые старушки, празднуя юбилей Сибелиуса, одеваются в трогательные пышные юбки из шелестящей тафты и полосатые чулки, чтобы исполнить у памятника композитору хоралы – все для тех же туристов...

В последние три года я много ездил и все чаще с тоской вспоминал горы и леса Западной Украины. Что там теперь? Неужели «зеленый туризм» превратил их в такой же театр и заброшенные кошары на пастбищах – только декорация?

Как бы то ни было – я любил все естественное. Силиконовые красавицы, созданные усилиями косметологической промышленности, по-прежнему не привлекали меня. Естественность сохранялась в морщинах старух и трогательных ямочках младенцев. А еще естественность была в Лике. Это больше не пугало меня, как в первый день знакомства. Огорчало лишь то, что, связавшись со мной, она совершенно забросила учебу, не дотянув до последнего курса. Я не раз уговаривал ее восстановиться в институте, на что она отвечала пожиманием плечами и неуверенной полуулыбкой. Она жила как птичка – воробышек, который то весело чирикает, то сидит, нахохлившись, которого совершенно не волнует, что он будет есть завтра. Честно говоря, меня это устраивало.

В первые месяцы нашего странного брака меня охватывал ужас от содеянного. Как оказалось, я был совершенно не приспособлен к семейной жизни. Не мог приходить домой вовремя, не умел планировать уик-энды и покупать нужные вещи, не собирался отказываться от старых привычек и тер-

петь не мог отчитываться о своих перемещениях по городу. В какой-то момент я даже разозлился на Лику и не мог понять, как это ей удалось накинуть на меня цепи? Первые полгода я приходил домой далеко за полночь и не всегда трезвый. Даже когда мне ХОТЕЛОСЬ туда идти, я заставлял себя свернуть то ли в «Суок», то ли в сауну, или же вообще – отправлялся ночевать к кому-то в мастерскую. Это безобразие продолжалось до тех пор, пока я вдруг не понял: а ведь это совершенно ни к чему! Ведь Лика никак не протестовала против моих проявлений свободы и независимости, не воспринимала их как бунт и, кажется, даже не понимала их скрытого смысла. Против чего же мне было бунтовать?

Она ни разу не упрекнула меня, не спросила, где и с кем я был.

Незаметно для себя я успокоился, понял, что это не игра, не сети и не ловушки...

2

Отчаянная нежность – вот как можно было бы назвать чувство, которое я испытывал к Лике. А еще точнее – отчаяние и нежность, но это звучало совсем безысходно. Мне казалось, что она допустила ошибку, запершись в четырех стенах с таким, как я. Я покупал ей множество самых разнообразных штук для рисования, доставал дорогие масляные краски, холсты, кисти, этюдники – переносной и стащи-

онарный. Мне действительно очень нравились ее картины. Но мне казалось, что она рисует лишь для того, чтобы порадовать меня – не более. Не раз я предлагал устроить выставку, но Лика повторяла свой любимый жест – неуверенно пожимала плечами. Иногда этот жест меня раздражал. Наверное, потому, что сам я не умел вот так просто отрешиться от суеты. А она могла бы точно так же весело и спокойно жить на голой ветке.

Когда она не рисовала – занималась шитьем. Вернее, у нее был редкостный дар переделывать обычные вещички в маленькие шедевры. Все ее вещи были необычными. Особенно мне запомнилась джинсовая курточка, которую она расписала специальными красками, а каждую пуговицу обшила тканью, на которой каким-то чудом вырисовала миниатюрки с изображением ангелов. На одной из вечеринок высокопоставленная мадам предлагала за это произведение искусства бешеные деньги, а потом еще долго докучала звонками, умоляя Лику сделать нечто подобное под заказ. Эта курточка почему-то особенно умиляла меня. Я любил, когда Лика надевала ее, и с особой нежностью застегивал эти чудесные пуговицы.

Но Лике не нравилось, когда я относился к ней, как к ребенку. Собственно, она и не была ребенком – иногда смотрела на меня такими глазами, что мне становилось не по себе. Я старался не замечать таких взглядов, отгонял мысль, что Лика на самом деле бездна, в которую мог бы сорваться лю-

бой мужчина. Я специально называл ее уменьшительно-ласкательными словечками, осознавая, что делаю это ради того, чтобы самому не сорваться, не дать волю чувствам, которые отличались бы от отеческих.

3

За год мы побывали у ее родственников не больше шести-семи раз, на каких-то торжествах в узком семейном кругу. Чаше пересекались на разных официальных вечеринках, вернисажах или презентациях, куда я время от времени вынужден был ходить. За день-два до предстоящего события у меня начиналась настоящая наркоманская «ломка». Я напивался до беспамятства, старался прийти домой как можно позже, когда Лика уже спала, и до утра курил на кухне, ссылаясь на «проблемы на работе». Поэтому во время каждого визита выглядел изрядно потрепанным – с синими кругами под глазами и щетиной на запавших щеках. И тогда Лика принимала от родителей сочувственные взгляды, а я – полное бойкотирование своего присутствия за патриархально-семейным столом. Впрочем, так мне было даже легче. Я будто дремал, прикрывал глаза, вел себя как настоящий нелюдим. Конечно, все это было притворным, наигранным. Так мне было проще скрыть свое жадное любопытство и унять бурю эмоций, которые бушевали во мне. Мой жадный интерес граничил с фетишизмом. В ванной я, как по-

следний идиот, разглядывал шампуни и кремы, вертел в руках ЕЕ зубную щетку, вдыхал запах ЕЕ полотенца и едва сдерживал себя, чтобы не рыться в ящике с бельем... Я мечтал когда-нибудь увидеть ее в домашнем халате и тапочках на босу ногу, и от одной мысли об этом у меня кружилась голова. Конечно же, ко всему этому ужасу добавлялось чувство, что я – негодяй. Но, тем не менее, я продолжал наблюдать за ней. С притворным безразличием жадно вслушивался во все, о чем она говорила, пытаюсь понять, чем и как она живет, о чем думает и чего хочет. Хотя от меня она хотела только одного: я должен быть достойным мужем для Лики. Но мой вид красноречиво свидетельствовал об обратном. И она, как всегда, игнорировала меня, бросая сочувственные взгляды на дочь, будто укоряя: «Ну вот, я же тебя предупреждала...»

Ее муж, мой тесть, вызывал у меня удивление, если не сказать больше – неприязнь. Когда я увидел его впервые, то смутился и растерялся. Да, он был импозантен и умел замечательно говорить, но его подтянутость и молоджавость были неестественными, как и все то, что он произносил. К тому времени он окончательно переметнулся в противоположный лагерь и активно отстаивал преимущества былых времен. Стоило мне однажды небрежно заметить, что в те прекрасные времена он чистил парашу, как он разразился бурной тирадой зомбированного деньгами и властью нувориша, который не замечает постыдности своего нынешнего процвета-

ния. Я же демонстративно – в два слоя! – намазывал красную икру на кусок хлеба под ироничным взглядом Лизы. После этого случая мое общение с тестем прекратилось. Он старался избегать меня, Лиза принимала нас одна. Но это было еще мучительнее. Ближе и роднее мы не становились (да этого и не могло произойти!), в ее глазах я продолжал быть плохим зятем. Это было очевидно. И только Лика, как всегда, светила счастьем и лишь изредка фыркала в кулачок. Все, что происходило вне родительского дома, ее вполне устраивало.

4

Мы возвращались домой, проходило два-три дня, все становилось на свои места. Я ходил на работу, Лика ждала меня, красиво сервируя стол к ужину. Это мне нравилось. Я становился обывателем. А скорее всего, всегда им и был. В какой-то момент мне захотелось большего комфорта. Именно мне, а не ей. И вот в этот момент (который я до сих пор вспоминаю с ужасом и отчаянием) на глаза мне попался шкаф...

Я никогда не беспокоился об обустройстве своего быта, но однажды, когда мы с Ликой прогуливались у привокзальной площади, обратил внимание на вывеску нового мебельного салона, и мой взгляд скользнул по витрине. В ней красовалось оригинальное «сооружение» – целая комната из дуба с резными узорами и всякими шишечками.

– Смотри, – сказал я, – вот к чему я бы обратился на «вы». Помнишь, как у твоего любимого Чехова: «Многоуважаемый шкаф!..»

Ли́ка засмеялась.

– Да это и не шкаф, – продолжал я, – это настоящее «дворянское гнездо»! В нем можно жить!

– Мы можем его купить? – спросила Ли́ка, которая мало интересовалась финансовым положением нашей семьи.

– Мы просто обязаны это сделать! Идем!

Мы зашли в магазин, и там выяснилось, что это – экспериментальная модель, единственный экземпляр. Выставлена для изучения покупательского спроса. Ли́ка огорчилась.

– А когда же вы изучите этот самый спрос?

– Месяца через два. Не раньше, – ответил продавец. – Вот тогда и начнем принимать заказы.

– Ой, как жалко! – всплеснула руками Ли́ка.

Всю дорогу я успокаивал ее.

– Но это же единственная вещь, которую тебе захотелось приобрести за все это время! – не унималась она. – Я хочу, чтобы твои желания всегда исполнялись!

– Да черт с ней, с этой деревянной коробкой!

Я уже жалел, что потащил ее в магазин, – она воспринимала все слишком серьезно. Мне пришлось срочно придумать что-то, и в следующем магазине я «положил глаз» на роскошный, но довольно пошлый комплект постельного белья. Потом мы купили торшер и антикварный письменный

прибор. Все это было совершенно бессмысленно. Но создавало атмосферу общего семейного дела.

– Тебе правда все это нравится? – допытывалась Лика, с сомнением разглядывая дома наши покупки.

– Не очень...

– Тогда раздадим все это людям...

– Каким людям?

– Все равно каким. Тем, кому это действительно нужно!

– Отлично! Если учесть, что самое дешевое из этогохлама стоит не меньше сотни зеленых! – не выдержал я. И дальше уже не мог сдержаться. – Тебе интересно так жить? Быть комнатным котенком, при твоём уме и таланте?! Я иногда чувствую себя полным кретином, когда ты обслуживаешь меня, как в гостинице! Тебе это интересно? Нет, конечно, меня, как нормального мужика, все устраивает – «хороший дом и жена рядом. Что еще нужно, чтобы достойно встретить старость?..». Но я чувствую себя каким-то тираном. Разве такой жизни ты хотела?! Тебе все это интересно?

Я толкнул торшер ногой. Она сжалась. Я испугался.

– Послушай, – сказал я уже спокойнее, – я не хотел тебя обидеть. Мне просто жаль, что ты понапрасну тратишь свое время и... жизнь.

– Любовь не бывает напрасной. Я тебя не понимаю.

Она, похоже, и в самом деле не понимала. И я прекратил любые попытки воздействовать на ее самолюбие.

Месяца через полтора ей позвонили из института и пред-

ложили принять участие в биенале, которое проходило в живописном уголке Карпат. Я обрадовался, что о ней не забыли.

Лике не очень хотелось уезжать, но когда в нашу кухню набилось полгруппы бывших однокурсников во главе с преподавателем, ее глаза заблестели. Все они, шумные и веселые, с опаской поглядывали в мою сторону. Напрасно! Я излучал благодущие, разливал вино и всем своим видом показывал, что не собираюсь становиться на пути молодого таланта. Это действительно так и было.

– Хорошо. Я поеду, – сказала Лика, когда гости разошлись, – если вы все так этого хотите...

– Ну вот, ты опять делаешь это ради кого-то! А ведь ты – талантливая художница, это – твой мир, твое окружение. В конце концов, ты сможешь там продать свои картины и... О! Я придумал! Ты продашь свои картины и подаришь мне шкаф!

Ей нужен был толчок, идея, ради которой она могла бы оторваться от уютного домашнего мирка. И моя идея ей понравилась. Она даже захлопала в ладоши и тут же начала собирать свои прибабасы для рисования, хотя до начала биенале оставалась еще неделя.

Выглядело это творческое мероприятие приблизительно так: где-то у подножия гор разбивался «художественный городок». Ставились палатки для участников, возводился импровизированный вернисаж под огромным брезентовым тентом. Две недели молодые дарования работали на пле-

нэре, выставляя свои старые и новые работы на продажу. Сюда же на автобусах время от времени привозили журналистов, телевизионщиков, искусствоведов и даже иностранцев-коллекционеров.

– Это будет дурдом, – пояснила мне Лика, – застолья до утра. Какое там рисование? Так, профанация...

– Не преувеличивай. А если будет плохо – то хоть побудешь на природе, подышишь свежим воздухом, отдохнешь от меня, дурака... А я приеду тебя проведать. И мы будем гулять в горах!

Тут меня передернуло, и я замолчал...

5

Люблю сентябрь. В этом году он был особенно теплым и каким-то вкусным – воздух, пропитанный запахом кофе, под вечер приобретал еще и густой лиственный аромат с привкусом хризантем. Лика уезжала рано утром, с последней группой. Накануне я договорился с ребятами, что они возьмут ее принадлежности с собой, у меня в день отъезда была уйма важных дел, и я не мог ее проводить. А так Лике не пришлось тащить на себе тяжелый этюдник.

Утром мы пили кофе, и я пытался втолкнуть в нее хотя бы кусочек бутерброда, но она категорически отказывалась.

– Ну что, собственно, происходит? – спрашивал я. – Пару недель отдохнешь от дома, от меня... Другая бы радова-

лась...

– Никогда не говори так – «другая». Я не знаю, что делали бы другие, но мне без тебя плохо. Как будто потеряла какой-то важный орган – руку, например, или ногу. Ты бы смог ходить с одной ногой?!

– Купил бы костыли! – улыбнулся я.

– Ты шутишь, а я – серьезно...

Я вызвал такси. В прихожей осторожно застегнул мои любимые пуговицы на ее курточке.

– Этот ангел тебя обожает, этот – защитит, этот – сохранит, а этот немного сердится, – приговаривала она, пока я возился с застежками.

Я немного волновался, будто она и правда была маленьким ребенком. Но с каждой застегнутой пуговицей во мне поднималась едва ощутимая волна радости оттого, что она уезжает, что я смогу побыть один, **ПОПРОБУЮ** побыть один, без нее. Конечно, я не произнес этого вслух, она бы обиделась.

Уже стоя на пороге, Лика обхватила мою шею руками и замерла.

– В конце концов, – не выдержал я, – не хочешь ехать – оставайся! А то получается, что я тебя на каторгу отправляю! Черт знает что!

Она отстранилась и улыбнулась:

– Все, все! Я побежала!

– О Господи, – спохватился я, – а деньги?!

Быстро вернулся в комнату, выгреб из ящика пачку купюр и протянул Лике.

– Зачем столько?

– Возьми на всякий случай! Вдруг тебе там что-то не понравится – поселишься в гостинице. В конце концов, вернешься на самолете.

Она сунула деньги в карман джинсов и быстро закрыла за собой дверь. Из окна я проследил, как она села в такси, а потом, как старушка, послал вдогонку крестное знамение...

6

Я остался один. Особого облегчения не почувствовал. Выпил еще одну чашку кофе и начал собираться на встречу. Действовал почти механически. Мысли работали совершенно в другом направлении. Впервые за два года я был один. Может быть, пришло время встретиться с Лизой? Но – зачем?.. Не собирался же я заняться прелюбодеянием! Но мне все больше и больше хотелось хоть как-то заявить о себе, напомнить о том, что я, в отличие от нее, никогда не забывал. Может быть, даже наказать, заставить захлебнуться всем ужасом ситуации, как им захлебнулся я в тот момент, когда она появилась в полумраке прихожей. Да, именно так. Мне стоило бы поставить жирную точку в этой истории, чтобы больше никогда не сидеть за их елейным семейным сто-

ЛОМ.

Я быстро завершил переговоры, заглянул в «Суок», заправился для храбрости двумя рюмками коньяку и набрал номер ее мобильного телефона.

Вначале я доложил, что Лика уехала, отчитался, как она была одета и что взяла с собой, ответил еще на несколько дурацких вопросов. А потом предложил встретиться для «важного разговора». Она удивилась.

– Хорошо... Приезжайте к нам. У меня есть два часа свободного времени...

Только не у них, подумал я. Приглашение в ресторан тоже выглядело бы странным.

– Что-то не так? Что случилось? Может быть, подъехать к вам? – заволновалась Лиза.

Я предложил взять такси и подхватить ее на перекрестке через полчаса. Она согласилась. Я еще успевал заскочить в ближайший супермаркет – не угощать же ее вчерашним борщом!

В моей голове творилось бог знает что... Если я собираюсь вылить на нее всю черноту моего двадцатилетнего ада – зачем я, как заправский соблазнитель, нагреб шампанского, мартини и всяких красивых консервных баночек? Если же моей целью было достижение именно этой цели – каким же негодяем я буду выглядеть в ее глазах!

Я заметил ее издали, и сердце запрыгало, как мячик на резиновой нити. Она, как всегда, выглядела элегантно. Узкое

черное платье (странно, но одежды другого цвета я на ней не помнил, за исключением белого купальника, в котором она лежала у бассейна сто лет назад), туфли на шпильке, гладко зачесанные назад волосы. Она кивнула мне без малейшего намека на любезность и села на переднее сиденье. Я смотрел на тонкую прядь волос, выбившуюся из безукоризненной прически, и жадно вдыхал нежный аромат духов – тех самых: она не меняла своих вкусов.

«Лиза, неужели это – ты? – хотелось прошептать мне в этот строгий затылок. – Я думал о тебе всю жизнь. Что мне делать теперь? Скажи сама. Как ты скажешь – так и будет...»

7

В лифте мы поднимались молча. Я кожей чувствовал ее пренебрежение, ее равнодушие и нежелание погружаться в проблемы, из-за которых я осмелился отнимать у нее время.

Я долго не мог вставить ключ в замок и даже был бы рад, если бы он сломался. Я робел так, будто мне не тридцать восемь, а восемнадцать, как тогда... Она вошла в квартиру, хозяйски прошлась по комнатам, заглянула на кухню, наверное, оценивая, насколько уютен этот дом. После отъезда Лики здесь царил некоторый беспорядок, на столе еще стояли две чашки, валялся надкушенный бутерброд.

– Я тут кое-что купил... – виновато сказал я и зашуршал

пакетами, вынимая продукты и бутылки. – Сейчас сварю кофе...

– Не стоит. У меня совсем мало времени, – сказала она, присаживаясь на стул и доставая из сумочки сигареты. – У вас здесь довольно мило. Можно я еще пройдусь?

– Конечно!

Я был рад, что она на какое-то время оставила меня одного. Быстро убрал чашки и выбросил бутерброд, протер стол, расставил на нем все, что купил, включил кофеварку.

– Хороший дом, – заметила Лиза, вернувшись. – Откровенно говоря, не ожидала... Так о чем же вы хотели со мной поговорить? О Лике?

Я вздрогнул, будто мне за шиворот вылили холодную воду.

– Нет... Может быть, мартини? – предложил я, понимая, что с каждой минутой теряю смелость и желание о чем-то говорить. А если это так, то мое приглашение будет выглядеть совершенно дурацким.

– Хорошо, – согласилась она и закурила, переплела ноги и откинулась на спинку стула. Ее любимая поза. Я разлил мартини и сел напротив.

...Сколько раз я представлял себе эту минуту! Сколько раз воскрешал в памяти тот красный огонек, сверкнувший передо мною в конце ночной аллеи! Мы сидели почти так же, только теперь между нами стояла железобетонная стена. И ее имя было почти одинаково дорого нам обоим... Только я

знал об этом, а она – нет. Мне было больно, а она спокойно курила и смотрела на меня насмешливыми, слегка прищуренными глазами – темными и глубокими, как на портретах фламандских мастеров.

Согласно всем известным теориям, включая и мои исследования манипулятивных систем, по всем правилам мужской логики и в полном соответствии со здравым смыслом, я должен был испытывать усталость и равнодушие. Теоретически я мог все разложить по полочкам: восемнадцатилетний сопляк, не очень-то опытный в любовных утехах, в период гормональной активности встречает свою первую любовь и... Дальше все было ясно, если учесть и психологические особенности самого сопляка. В принципе, от этого излечиваются. Если очень захотеть...

Я смотрел на нее, пытался найти в ее лице нечто, что заставило бы меня остановиться, подумать о всей несуразности положения – и видел, что она по-прежнему загадочна и притягательна. Как назло, в памяти всплыло сегодняшнее высказывание Лики: «Ты бы смог жить с одной ногой?» Все эти годы я именно так и жил. Лиза была утраченным органом, меня мучили фантомные боли. И теперь, когда она снова оказалась рядом, я не мог просто так отпустить ее.

– Лиза, – сказал я, – Лиза, ты не узнала меня?..

...Потом я говорил много и бессвязно, видя перед собой только ее взволнованные глаза. Я не давал ей опомниться, потому что боялся услышать звук ее голоса. «Я любил тебя всю жизнь... – вот к чему сводился весь мой монолог, – кто из всех тех, кого ты встречала на своем пути, может сказать то же самое?! Уверен – никто! Ведь это безумие... – помнишь, так ты назвала свой фильм?.. но добровольное безумие! Потому что не мог, не хотел забыть тебя. Я всех сравнивал с тобой, и в этом сравнении проигрывали и тускнели даже очень достойные женщины. Я чувствовал, что поступаю с ними подло. И я наказан. Даже встреча с тобой, о которой я мечтал столько лет, привела меня к подлому, ужасному поступку. Но, поверь, я в этом не виноват... Лиза, я люблю тебя до сих пор...»

Потом я замолчал, и тишина длилась невыносимо долго. Так долго, что за эти несколько минут (или секунд?) я родился, вырос и умер.

– Какая мерзость... – произнесла наконец Лиза и поднялась с места, – мерзость, мерзость... Какая пошлая мыльная опера...

И снова наступила смертельная тишина.

– В общем, так, – продолжила она, – с Ликой я все улажу сама – заберу ее с вокзала домой, когда она вернется... И...

и больше никогда не появляйтесь у нас.

– Да... Понимаю... – Я не узнал собственного голоса, таким он был хриплым. – Хорошо. Да. Конечно.

Она уже стояла в прихожей и нервно дергала дверь, пытаюсь справиться с замком, когда я вышел из ступора и почти преградил ей дорогу:

– Ты не поняла! Я не знал, что Лика – твоя дочь! Не знал. Не интересовался. Я пошел за ней только потому, что увидел вас вместе. И... и я люблю ее, как все, что связано с тобой!

– Подумать только, какие страсти! – Губы ее задрожали, будто бы она хотела сказать совсем другое. Потом она резко повернулась, так резко, что из прически выпали шпильки и волосы мягко полоснули меня по щеке (мы стояли слишком близко). – Я не могу даже слышать о любви! – Лизино лицо исказилось, мне показалось, что она вот-вот расплачется. – Но это – не твое дело!.. Все – я уйду!

– Лиза, – я осмелился снова произнести ее имя, – я больше не нарушу твой покой. Все будет так, как ты хочешь. Но умоляю, скажи: при *других* обстоятельствах, зная все, о чем я сказал тебе, ты бы смогла... если не полюбить, то хотя бы попытаться полюбить меня?

Во время паузы, которая снова повисла между нами, можно было бы умереть и родиться заново. Выражение ее лица вдруг смягчилось, я вспомнил этот взгляд – так же она посмотрела на меня в ТОМ сарае.

– Какой же ты дурачок! Неужели есть еще такие в нашем

мире? Знаешь, я тебе даже завидую. И... И я тебе благодарна. Но мне давно не двадцать пять... или сколько там тогда мне было. Так что не о чем говорить. Бред какой-то...

– И все же?.. – Мне было крайне необходимо услышать ответ. – Я ведь теряю тебя навсегда...

– Может быть. Наверное. Не знаю...

Она рванула дверь и выскочила на лестничную площадку. Я побежал за ней, хотел проводить. Но Лиза быстро остановила первую попавшуюся машину и уехала.

А я пошел бродить по городу. Мне нужно было намотать несколько километров, иначе я бы не успокоился.

...Вернулся домой в невменяемом состоянии, прошел в спальню и рухнул на кровать в обуви и куртке.

Среди ночи мне показалось, что на меня напоззает огромное черное чудовище. Приоткрыв глаза, я увидел странную вещь – в углу комнаты стоял... шкаф. Тот самый, «многоуважаемый», с резными шишечками. Я решил, что у меня началась «белая горячка», вскочил с кровати, включил свет. Видение не исчезло – стало еще более реальным. Этого еще не хватало! Откуда он здесь? Когда появился? Я не мог ломать себе над этим и без того раскалывающуюся голову. Может, его заказала Лика?.. Но – когда она успела? И зачем этот шкаф теперь? И зачем вообще – все?..

Часть третья

Денис

1

...Я сижу на Арбате в небольшом, но дико дорогом кафе, где, кроме меня, никого нет. Я пытаюсь полюбить Moscow, и у меня ничего не выходит. Про себя цитирую Сорокина, у которого прочел, что Москва – это огромная баба, которая разлеглась среди холмов, ее эрогенные зоны разбросаны далеко друг от друга, и нащупать их практически невозможно. Поэтому – невозможно полюбить с первого взгляда, проще возненавидеть. Девка Moscow грязна, зловонна. Восхищаться «душком» – признак гурманства.

У меня три синяка на пол-лица – один на скуле и два почти одинаковых – под глазами, эдакие бледно-голубые «очки», которые (знаю по собственному опыту) вскоре позеленеют, а потом пожелтеют. Длинная история, история не одной недели. Словом, лицо в жутком несоответствии с костюмом и галстуком, а также бокалом кампари передо мной. Официантки, которым совершенно нечего делать, шушукаются по этому поводу, усевшись за барной стойкой.

Я не был здесь лет двадцать – двадцать пять. Сюда, как и прежде, стекался сомнительного вида народ из самых разнообразных стран, превращая город в базар-вокзал в надежде стать иголкой в стогу сена. Но, как показывали мои наблюдения, количество «иголок» давно уже превысило сам «стог». С утра пораньше, едва устроившись в гостинице, я обошел много значных мест, вокзалы, окраины. В этом не было никакого смысла, но сидеть сложа руки я не мог!

В последней «инстанции» – бункере радикальной партии – я и заработал эту мозаичную роспись на лице. Пошел туда лишь потому, что один из приятелей сообщил, будто там, в полуподвальном помещении, обитают сотни молодых бродяг, разного калибра и вероисповедания, особенно много разных «творческих личностей», среди которых есть и представители нашего Института искусств. Забежав туда по своим журналистским делам, он увидел парня, якобы участвовавшего в биенале пятилетней давности. Тот уже не первый год путешествовал по просторам вселенной и уверял, что пару лет назад видел здесь рыжую девушку-землячку. Перед тем как мне начистили фейс, я успел выяснить, что «рыжая девушка» приехала из Латвии и была законченной наркоманкой.

И вот теперь у меня оставался час до записи передачи, которую я раньше никогда не смотрел, и над которой лила слезы моя матушка, – передача называлась «Ищу тебя». Как мне сказали, она популярна чуть ли не во всех точках земного

шара. Раньше я никогда бы не отважился на такой странный для себя шаг. Но сейчас я не думал о том, что меня могут увидеть мои студенты или коллеги. Пусть видят! Мне наплевать. Как и наплевать на то, что мое лицо разукрашено снюжками.

На передачу я попал по большому благу, используя все свои связи. Ждал несколько месяцев, нервничал. И вот теперь должен ехать в студию. Я допил кампари, бросил на стол деньги и пошел ловить такси.

У входа меня уже ждали менеджер и одна из младших редакторов программы – о моем визите их предупредили.

– Денис Владимирович? – вежливо переспросил менеджер, старательно скрывая свое удивление по поводу моей «боевой раскраски». – Очень приятно, проходите. Сейчас поднимемся на шестой этаж в гримерку, а потом на третий – в студию. Начало через полчаса.

На шестом было несколько гримерок, но народ толпился у одной в ожидании своей очереди припудрить нос. В основном здесь были бабушки и женщины бальзаковского возраста. Они возбужденно пересказывали друг другу свои душещипательные истории. Меня передернуло. Не хватало еще и мне стать в эту скорбную очередь! Слава Богу, меня повели в другую, свободную комнату – очевидно, для «избранных».

– Это – Леночка, наш гример, – представила мне редактор приятную молодую девушку в белом халате. – Она вас немножечко подправит, а потом, пожалуйста, спускайтесь

в студию. Я провожу вас на ваше место.

Я сел в кресло перед зеркалом. Обе они смотрели на меня с удивлением и любопытством. И это тоже раздражало.

– Где это вас так?.. – сочувственно спросила Леночка.

– Шел, поскользнулся, упал. Очнулся – гипс... – ответил я.

Девушка улыбнулась, кивнула и открыла огромную коробку с гримом.

– Сейчас будете как новенький!

Потом она работала молча. Я был ей за это благодарен и даже прикрыл глаза. После утренних гонок по городу, драки в бункере и бокала кампари меня разморило. Я не представлял, как сяду перед камерой, что буду говорить. Мне хотелось подняться и потихонечку уйти. Но я не мог. Я должен был поставить точку.

Спустя несколько минут я не узнал себя: из зеркала на меня смотрела вполне пристойная физиономия импозантного мужчины с романтической синевой под глазами.

– Ну как? – с гордостью рассматривая плоды своего труда, спросила Леночка.

– Замечательно! Вы просто кудесница! – похвалил я, вставая с кресла.

– Вам – на третий, – напомнила девушка. – Удачи!

Я спустился по лестнице, выкурил в холле пару сигарет и направился в студию, которая уже гудела, словно улей. Меня быстро проводили на место – оно оказалось, как и дого-

варивались, в первом ряду – и проинструктировали, когда я должен буду вступать в разговор. Я огляделся: почти все женщины держали в руках платочки и фотографии, – и снова поежился. Руководитель проекта вышла в центр студии и дала последние наставления – по какому сигналу аплодировать, в какие камеры смотреть, как проходить к столу ведущих...

– Все! Внимание! Камера! – скомандовала наконец она и, подняв в воздух растопыренную пятерню, начала загибать пальцы. – Пять, четыре, три, два... Начали!

Аудитория как безумная захлопала в ладоши, и под этот оглушительный звук из-за пестрого задника, оклеенного фотографиями, вышли двое ведущих – пожилой мужчина и молодая актриса, успевшая засветиться в нескольких сериалах. Говорили они душевно. Ведущий сидел за столом, девушка бегала по залу с микрофоном. Женщины поднимали вверх фотографии своих родных и близких, которых хотели разыскать, и умоляли их вернуться. Я с ужасом ждал той минуты, когда микрофон окажется перед моим носом. И это наконец произошло.

– Кого ищете вы? – тоном доктора произнесла актриса, и весь зал и кинокамеры уставились на меня. Я заставил себя достать из кармана фотографию... Текст написал заранее и выучил его наизусть. Мне не хотелось быть слишком сентиментальным, поэтому текст прозвучал довольно сухо: имя, фамилия, год рождения, дата исчезновения. И в конце – то,

что говорили другие: «Если кто-то встречал или может что-то сообщить – прошу звонить по телефону...» Когда производил все это, чувствовал себя глупым попугаем. Ужаснее всего было то, что общий настрой аудитории охватил и меня. Мое горло сжалось, голос предательски задрожал, и я, как и все другие, выдохнул в микрофон: «Ли́ка, если ты меня слышишь – возвращайся!»

...Я вернулся в гостиницу поздно вечером. В номере было холодно. Залез с головой под одеяло, а сверху на голову положил подушку, чтобы не слышать звуков, доносившихся из коридора. У меня был обратный билет на утренний поезд, и я попытался заснуть. То, что произошло сегодня, казалось мне еще более безнадежным, чем все предшествующее. Участие в народном телешоу стало последней точкой в поисках. Я должен был ее поставить. Бессмысленную и трагикомическую...

2

Самым сложным за эти прошедшие два года было не думать, что с ней. Чтобы не рисовать в своем воображении жуткие картины, я активно занимался поисками, в то же время по уши загружал себя работой, а по вечерам – алкоголем. И если этот ритм замедлялся хоть на минуту – я терял над собой контроль. В такую минуту мог запросто раздавить стеклянный стакан. Что однажды и произошло на гла-

зах у удивленной публики во время какого-то важного совещания в Совете по вопросам телевидения. В следующий миг я мог бы затолкать эти осколки в рот, чтобы унять другую, постоянную боль... Особенно трудно было пережить ночь, когда на меня наваливался настоящий ужас – первого года поиска, и мрачная безысходность – второго.

Если ЕЕ больше нет на свете – как это произошло? Где? Кто был рядом в эту минуту? Где она теперь, моя девочка, которая так не хотела покидать меня? А если она где-то есть... Мысли об этом были не менее жуткими. Я вспоминал тысячи случаев похищений, продажи в рабство, которое существовало даже в цивилизованном Гамбурге... Если она жива – что делает в эту минуту, когда я схожу с ума на нашем диване? Как вообще это все могло произойти?! И почему – с нами, с ней? Я анализировал каждый миг нашего прощания: как она собралась, как я застегнул ее курточку, дал денег, проследил, как она села в такси. Неясным оставался вопрос со шкафом. Я хорошо помнил, что зашел в спальню вечером в стельку пьяный и заметил его лишь ночью. Но откуда взялась эта громадина? Не тараканы же ее занесли из соседней квартиры! В магазине я выяснил, что за шкаф заплатила какая-то девушка – наверняка это была Лика. Но когда она привезла его и зачем сделала это? Есть ли какая-то связь между этой покупкой и исчезновением Лики? Я ее не видел. Ненавистный шкаф затмевал мое сознание.

То, что Лика была первую неделю на биенале, не вызывало

сомнений – я (конечно же, следователи тоже прошли по этому пути) обошел всех, с кем она ездила, и они подтвердили это. Она исчезла раньше, чем закончился этот праздник искусства. Как в воду канула! Никто не мог сказать ничего определенного. О том, что она исчезла, я узнал дней через десять-пятнадцать после возвращения остальных. Ведь Лиза запретила мне даже близко подходить к их дому и сказала, что встретит Лику сама. Я был уверен, что Лика больше не хочет меня видеть (хотя это казалось мне невозможным), и все это время думал, что же мне делать? В конце концов осмелился позвонить в дом бывших родственников. Просто хотел услышать голос... Удивительно, но – голос Лики.

– Разве она не с тобой?! – истерично закричала в трубку Лиза.

Оказывается, в поезде, который она встречала, Лики не оказалось. Поездов из тех краев было много, и Лиза решила, что я ее опередил...

Таким образом, было потеряно две недели...

А потом начались изнуряющие поиски, жуткие процедуры допросов следователя, интервью и преследования кинокамер. Фотографии Лики висели на всех станциях метро. Мои коллеги и студенты смотрели на меня с сочувствием, это тоже было невыносимо, я держался из последних сил...

В первые месяцы Лиза звонила мне – я с надеждой хватал трубку, но слышал лишь проклятия. В конце концов я прекратил всяческие контакты с семьей Лики, и только изред-

ка до меня доходили слухи, что Елизавета Тенецкая почти не выходит из дома и потихоньку спивается вместе со своей домработницей – бывшей актрисой, сыгравшей в ее первом фильме. Тем временем ее муж все силы направил на поиски дочери и прочесывает карпатские леса. Но все напрасно.

Лица исчезла...

Теперь я понимаю, что значит «пропал без вести», и знаю, насколько эта формулировка страшна. «Без вести» – это гнетущая безысходность. В Афгане я сталкивался с подобным, но тогда это не касалось меня лично. Помню, мне даже казалось, что в этом есть определенная надежда – дождаться, увидеть, верить в лучшее. Но теперь я думал совершенно иначе. Узнай я, что Лица нет в живых – это было бы тем катарсисом, после которого я смог бы дышать. А так – я просто задыхался, рисуя в воображении самые страшные картины. Лица совершенно не была приспособлена к жизни, да и не пыталась приспособиться, и поэтому с ней могло произойти все что угодно. Но что включало в себя это «все что угодно»? Все – это все. Мне было легче считать, что ее забрали инопланетяне...

Долго не давали покоя ее вещи. Я постоянно натыкался на них, мучился, пытаюсь вспомнить, когда она надевала то или иное платье, зарывался в него лицом. А на исходе второго года не выдержал – все, вместе с красками и рисунками, спрятал в шкаф. Тот самый. Разве могли мы, разглядывая его в витрине, подумать, что он станет саркофагом?

О Лизе я больше не думал. Странно и дико: Лика словно бы забрала с собой навязчивую идею всей моей жизни. Но неужели за это нужно было заплатить такую цену?

3

...Я лечу в самолете. Я еще не знаю, какие новые запахи, звуки, ощущения встретят меня после приземления. Не знаю, какая комната ждет меня в отеле, какой вид откроется из окна. Море? Пальмовые рощи? Горы? Или разноцветная череда ресторанчиков на набережной? Не знаю. И люблю это ощущение новизны – селиться в незнакомых отелях, люблю момент, когда ключ от номера из рук администратора переходит в мои, люблю подниматься в лифте и брести по длинному коридору следом за коридорным, угадывая, где мое временное пристанище. Какое оно? Обожаю момент, когда вхожу в него и запираю двери изнутри... Все!

Люблю щелкать всеми выключателями одновременно, распахивать двери ванной комнаты и всех шкафов, осматривать «свои» владения. Открывать балкон и обнаруживать, что он чист и просторен, со стеклянным журнальным столиком и двумя уютными плетеными креслами. Мне нравится, что я и мое новое жилье – независимы друг от друга и поэтому между нами сохраняются пиететные отношения: временное жилье, как и случайный попутчик, не требует душевного тепла и ни к чему не обязывает. В самолете, на высо-

те десять тысяч метров, прохладно, в моем городе вообще отвратительная сырость – лето в этом году не удалось. Отпуск я провел, не вылезая из дому. И вот теперь этот семинар на берегу Адриатики – две скучнейшие недели в кругу коллег из всех уголков мира, доклады, просмотры программ, клипов, рекламных роликов. Все это уже давно меня не интересовало, я лишь старался держать марку. Хотел даже вместо себя отправить в командировку менеджера или еще кого-нибудь из молодых, но все как сговорились – никто не соглашался ехать. Было ясно: они хотят, чтобы я немного развеялся. Хорошо, попробую. Если получится...

Семинар проходил в крошечном городке, окруженном горами. До моря, как выяснилось, нужно было ехать около часа, но в самом городе было большое озеро – не очень чистое, но живописное, обрамленное сине-зелеными горами. Участников семинара поселили в «старом городе», в пятизвездочном отеле рядом с ратушей, внешне ничем не отличающемся от других средневековых зданий. Собственно, это и был старинный особняк XV века, который изнутри соответствовал всем требованиям разряда.

Приехал я сюда под вечер. Дорога от аэропорта была опасной – узкий горный серпантин, кое-где огороженный низким парапетом. Пару раз мне на глаза попались заржавелые обломки автомобилей, лежащих в ущельях. На подъезде к городу я назвал таксисту отель и по его реакции понял, что это – жилье для богатых. В «старый город» въезда не было –

все машины останавливались на площади у высоких каменных ворот. Не успел я ступить на брусчатку этого исторического места, как ко мне тут же подскочил вышколенный служащий в униформе (как он меня распознал – одному Богу известно!), подхватил мой чемодан и повел внутрь города, окруженного высокой крепостной стеной. Вот где нужно снимать фильмы! По дороге он на чистейшем английском рассказывал мне о достопримечательностях, мимо которых мы проходили, и о том, где находятся лучшие из ресторанов, которых на узких улицах было несметное количество. Каким-то чудом кофейни, рестораны и пабы умещались на улочках, ширина которых не превышала размаха рук, и выглядели уютно и романтично. Минуты через три, в течение которых я вертел головой во все стороны, пытаюсь запомнить расположение этих заведений, мы остановились у отеля. Мой номер оказался роскошным – со старинной дубовой мебелью, вытканными серебряной ниткой покрывалами и большим старинным зеркалом. Я дал коридорному чаевые и с облегчением запер за ним дверь. Распахнул дверь балкона – он выходил на площадь перед ратушей. На площади по кругу выстроились три ресторанчика. Столики были расставлены на улице, за ними сидели люди. Вкусные запахи – тонкие и ненавязчивые – витали над всем городом. Я быстро распаковал вещи, переоделся и решил побродить по улочкам, а потом поужинать в одном из ресторанов.

Заблудиться здесь было невозможно – все улицы вели

на ратушную площадь. Гулял я долго, меня удивляла старина и уютность городка, который все больше напоминал мне какой-то исторический лабиринт. Этот город мог бы понравиться Лике, вдруг подумалось мне. Нет, вру – такое «вдруг» стало для меня постоянным, привычным состоянием. Теперь, сталкиваясь с любыми проявлениями жизни, я ловил себя на том, что оцениваю их с точки зрения Лики...

4

...Меня всегда удивляло, что даже иронично настроенные почтенные граждане воспринимают телевизионщиков как неких небожителей, сами рвутся на телеэкраны и на следующий же день после участия в каком-нибудь ток-шоу гордо поглядывают по сторонам: узнают ли их прохожие? Я достаточно хорошо знал этот мир, как и то, что со временем все постепенно превращается в профанацию. Для меня важным было одно: откровенно признаться в этом. Я, например, мог заявить прямо: то, чем занимаюсь все эти годы, и есть профанация – достаточно талантливая (этого у меня не отнять), но все же – профанация. Я мастерски агитировал человечество раскупать моющие средства, жевательные резинки от кариеса, йогурты, шины и прочее. Мне необходимо всучить всю эту продукцию как можно большему количеству людей – от этого зависит, смогу ли я сам покупать все это. Примерно об этом я и размышлял, готовясь принять участие

в этом семинаре, и, конечно же, не собирался произносить ничего подобного вслух. Разве что за рюмкой ракии с такими же, как я. Если они, конечно, здесь найдутся. Я знаю, Лика бы поняла меня. Я и сам только теперь начинал что-то понимать: на фоне всей этой профанации у меня наконец появилось *нечто*, что я всегда искал, – женщина, любящая меня таким, какой я есть, со всем моим внутренним скарбом. Она любила меня – всякого. Не героя, не мудреца, не богача. Она просто любила. И не дав мне времени осознать это, неожиданно исчезла из моей жизни. Неожиданно, жутко и тихо. Так тихо, как и любила. Она жила во мне, как песчинка внутри ракушки – мозолила мое нежное эгоистичное нутро, и вот выпала наружу. И вот теперь я думаю о ней так, как она бы того хотела. Знаешь ли ты об этом, Лика?.. Ау!..

...Отсидев на торжественном открытии семинара, я решил, что делать мне здесь нечего. Тем более, что моего присутствия никто особенно и не требовал. Зато бейдж давал право на свободное посещение всех музеев. Я решил воспользоваться этим.

Каждый день в восемь утра к отелю подъезжал «рафик», в котором уже сидели две продвинутые девицы в коротеньких джинсовых шортах, наполовину обнажающих их смуглые ягодицы, и два оператора-итальянца. По дороге мы заезжали в несколько отелей, подбирали еще пару-тройку коллег и этой веселой компанией ехали в Цетин (или – Цетинье, как произносили местные). Там, в конференц-зале од-

ного из пятизвездочных гранд-монстров, нас – человек сто – мариновали до вечера с перерывами на обед и пятнадцатиминутные «кофе-брэйк» каждый час. После двух-трех докладов и просмотра нескольких роликов я незаметно сбегал в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.